

Основано на реальной
истории о Стефании
и Хелене Подгорских,
во время Второй мировой
войны прятавших на
своем чердаке 13 евреев

СВЕТ В ТАЙНИКЕ

ШЭРОН КЭМЕРОН

Шэрон Кэмерон

Свет в тайнике

Серия «Дверь в прошлое»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67896701
Свет в тайнике: Издательство АСТ; М.; 2022
ISBN 978-5-17-137337-5*

Аннотация

1942 год, Перемышль.

Шестнадцатилетняя Стефания Подгорская уже много лет работает на семью ДИАМАНТ в их продуктовом магазине. Они прекрасно ладят, и девушку даже ждет помолвка с их сыном – правда, это нужно держать в тайне, ведь ИЗЯ еврей.

Все меняет вторжение немецкой армии: город оккупируют, а семью ДИАМАНТ переселяют в гетто. Стефания остается одна, без работы и поддержки, с маленькой сестрой на руках.

Но однажды на ее пороге появляется брат ИЗИ, сумевший избежать лагеря смерти. И Стефания принимает роковое решение: рискнуть жизнью, укрыв в своем доме еврея...

Будучи основанной на реальных событиях, эта книга все же остается литературным произведением на историческую тему. Автор старался соблюдать максимальную достоверность в изображении своих героев, мест и событий, однако некоторые детали повествования являются литературным вымыслом.

*Также из соображений конфиденциальности изменены имена
нескольких действующих лиц.*

Содержание

1. Перемышль, Польша Ноябрь 1942	6
2. 1936	9
3. Сентябрь 1939	24
4. Июнь 1941	40
5. Апрель 1942	58
6. Июнь 1942	79
7. Июль 1942	98
8. Июль 1942	116
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Шэрон Кэмерон

Свет в тайнике

Посвящается Хелене, Малгоше, Эду, Лори и Миа

ПАМЯТИ

*Исаака, Лии, Изидора и Эрнестины Диамант, а
также всех евреев и поляков Перемышля, ставших
жертвами ненависти*

Sharon Cameron

THE LIGHT IN HIDDEN PLACES

Copyright © 2020 by Sharon Cameron. All rights reserved.

© Р. Шапиро, перевод на русский язык, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2022

1. Перемышль, Польша Ноябрь 1942

Там кто-то есть. В темноте.

Я открываю глаза.

Темно, как всегда. Ничего не видно. В комнату проникает запах вареной капусты из кухни живущей двумя этажами ниже Эмильки. Рядом со мной вздохнула во сне сестра. Но что-то во тьме настораживает меня. Эхо от пропущенного звука.

Там явно кто-то есть.

Теперь я полностью проснулась.

Осторожно отворачиваю одеяло и, замерев, прислушиваюсь, затем спускаю ноги на пол. Звук от распрямившейся матрасной пружины похож на ружейный выстрел. Сестра лежит неподвижно, слышно только ее сонное дыхание.

Кто бы это ни был, он не в комнате.

Босиком, ступая по половицам на цыпочках, я подкрадываюсь к окну и пальцем отгибаю краешек ковра, прибитого мной к оконной раме. В ярком свете уличных фонарей искрятся, летя вниз, острые кристаллики снежинок. На тротуаре рядом с моим домом нет ни души, окна соседних зданий глядят на улицу мертвыми глазами, завешенные шторами, коврами и кусками ткани. Как и мое окно.

В Перемышле свет – все равно что вывеска на кондитерской лавке. Неразумно вывешивать знаки, указывающие, где хранятся сладости.

Я возвращаю ковер на место и, подойдя к двери, прижимаюсь к ней ухом, затем отодвигаю защелку. Пустой коридор ведет от нашей комнаты к другим комнатам безлюдной квартиры. Все как обычно. Как и должно быть.

И вдруг тишину пронизывает резкая дробь. Громче уличной стрельбы. Страх сдавливает грудь. Я теперь знаю, что за звук пропустила.

Кто-то стучится в дверь нашей квартиры.

Они знают. Они знают. Они знают.

Сердце выстукивает эти слова.

Позади выстреливает еще одна матрасная пружина, и теперь за спиной у меня стоит Хелена. Она молчит. Сестре шесть лет, и ей не надо объяснять, что сейчас не время задавать вопросы.

Стук повторяется уже громче, и на этот раз он сопровождается доносящимся сквозь дверную щель шепотом.

– Стефания?

Это хитрость. Гестапо хочет, чтобы я их впустила, не поднимая при этом шума. Чтобы им не пришлось ломать дверь. Чтобы потом можно было передать уютную квартиру в безупречном состоянии какому-нибудь достойному немецкому офицеру и его законопослушной жене с тщательно вымытыми волосами и в аккуратно заштопанных чулках.

Из-за двери снова доносится шепот.

– Открой дверь! Фуся!

Гестапо не знает этого моего прозвища.

Я бросаюсь к двери, мои пальцы лихорадочно нащупывают недавно починенный замок. Я знаю, что это не он. Это не может быть он. И все же нахожу и поворачиваю ручку замка, затем распахиваю дверь. Хелена судорожно втягивает в себя воздух. Или, быть может, это я издала стон? В тусклом свете свисающей с потолка лампочки в прихожей ясно вижу, что это не он. Это не тот, кого я ожидала увидеть.

– Макс! – шепчу я.

2. 1936

До Перемышля в моей жизни было много кур. И лошадей. Прозрачный воздух, деревья, длинные заплатки полей на круглящихся холмах — как на гигантском смятом одеяле. Весной и осенью я бегала в школу по петляющим между холмами тропинкам, а зимой, когда их заметал глубокий снег, ела суп, сидя в нашей наполненной паром кухне, и заедала его ржаным хлебом. Но каждое воскресенье, какая бы ни стояла погода, втиснувшись между братьями и сестрами, которых в конце концов стало восемь, на телеге, я отправлялась к мессе в деревню Бирча. Это было отличное детство.

Тем не менее я ненавидела деревенскую жизнь. В свиарнике воняло, но не лучше были запахи и от сарая, и от выгребной ямы, и от крестьян, пахавших в поле на жарком солнце. Я ненавидела кучи навоза, как будто специально спрятанные в траве, чтобы запачкать мои туфли. Мне была неприятна краснота маминых рук после стирки или после того, как она приняла ребенка у соседки. И я не выносила беспрестанное раздражающее квохтанье наших кур. Оно никогда не прекращалось. Я была убеждена, что они вообще никогда не спят. Кроме ненормального петуха, который раз за разом, вместо того чтобы кукарекать навстречу восходящему солнцу, начинал кричать при виде поднимающейся на небо луны.

Я не возражала, если мне поручали ощипывать кур.

Первую попытку сбежать из деревни я предприняла, когда мне исполнилось одиннадцать лет. Мама взяла меня с собой, чтобы навестить двух моих выросших и теперь работающих в городе сестер; мы отправились туда на почтовой карете. Это был, как пояснила мать, подарок в честь моего дня рождения, который приходился на Пасхальную неделю. У всех нас девятерых был день рождения на Пасху, или, по крайней мере, именно в это время мы его отмечали. У мамы не было времени запоминать, когда мы на самом деле родились, как, впрочем, и наши полные имена. Меня никогда не называли Стефанией. Я была Стефи. Или Стефуська. Но чаще всего – просто Фуся.

Будь у меня девять детей, я бы тоже не помнила, как их зовут.

Мама рассчиталась с кучером и взяла меня за руку. Кожа у нее была огрубевшая и шершавая. Мама, как правило, хорошо обо мне заботилась, так же, как и мой *tata*¹, когда он был еще жив. Они обо всех нас заботились, но мне все равно не хотелось держать ее за руку.

Теперь мне порой не хватает ее рук.

Я упиралась и вырывалась, пока мы не оказались в центре Перемышля, и тут весь стыд от необходимости держаться за мамину руку был позабыт. Кругом грохотали по брусчатке повозки, гудки автомобилей напоминали блеяние овец.

¹ Папа (*польск.*)

Пронзительно лязгали вагоны, паровозы извергали в небо клубы пара. И галдеж фермерш на площади, выкрикивающих цены на свой товар, звучал намного приятней куриного кудахтанья. Все эти звуки складывались в изумительную музыку. В игру духового оркестра. В симфонию.

Мы делали покупки в ларьках на улице и в магазинах с нарядными витринами. Платье для мамы, туфли для меня и капор для малышки Хелены. Я гладила пальцами красные шелковые ленты и блестящую серебряную обертку шоколадки. Сестры угостили нас изысканным обедом, то есть мясными консервами вместо привычного куска мяса, сервированными на чистой скатерти в их съемной квартире на третьем этаже. Мама задыхалась, карабкаясь сюда по лестнице, а мне хотелось тут же сбежать вниз по ступеням, чтобы только снова подняться наверх.

После обеда мама и сестры пили чай, а я, прижавшись носом к оконному стеклу, впитывала в себя все происходившее на улице и, когда пришло время прощаться, разрыдалась. Я умоляла. Топала ногами. Угрожала и упрашивала оставить меня здесь. Сестры будут не против. Со мной не будет никаких хлопот. Тем не менее я уже доставила массу беспокойства, и мамины жесткие руки втащили меня в почтовую карету.

Прошло полтора года, прежде чем мама позволила мне снова поехать с ней в город. На этот раз, когда я вновь очутилась на шумных улицах Перемышля, мне было уже почти

тринадцать. Я стала старше. Умнее. Лиф платья стал мне тесен. И я уже знала, как надо будет вести себя с матерью. Шепотом переговорила с сестрами; они уже были подготовлены письмом, которое я отправила им за месяц до поездки. После обеда аккуратно вытирала уголки рта, плотно сдвигала ноги, смиренно пила чай и молча слушала мамины разговоры. И, когда уже почти подошло время, чтобы идти на остановку почтовой кареты, я заявила маме, что никуда не поеду.

Мама просила меня, умоляла. Даже немного поплакала. Она не стала топтать ногами. Я объяснила ей, что Марыся нашла для меня работу.

– Это правда, мама, – подтвердила Марыся. – Пани Диамант требуется девочка. Это всего через несколько домов от нас.

Я добавила, что Андзя устроила для меня постель за диваном.

– Я положила два одеяла, мама. И прослежу, чтобы она ходила к мессе каждую неделю, – сказала Андзя.

Я обещала маме, что часть своего жалованья буду отдавать сестрам за еду. И что даже больше буду отсылать домой, чтобы мама смогла нанять еще одного помощника. Или купить больше кур, если захочет.

– Это ведь будет неплохая помощь, правда, мама? – улыбнулась Марыся.

– Но, Фуся, как же быть со школой? – волновалась мама. Я разгладила складки платья.

– Перемышль будет моей школой, мама.

На этот раз она села в почтовую карету без меня.

* * *

В свой первый трудовой день я вприпрыжку отправилась в лавку Диамантов, успев по дороге спугнуть прохаживавшихся по тротуару голубей, сунуть нос в узкие проулучки между домами, полюбоваться на витрину фотоателье и поиграть с бездомной кошкой. Звон колоколов рвался ввысь – в бездонное, пронзительно голубое небо.

Я распахнула дверь в магазин, и навстречу мне звякнул теперь уже гораздо меньшего размера колокольчик. Женщина, уютно устроившаяся позади прилавка, подняла на меня глаза. В воздухе стоял запах свежего хлеба, яблок, оберточной бумаги, шпаката, а на полках за стеклом тянулись бесконечные ряды шоколадок в обертках. Пока я стояла, раскачиваясь на носках, посреди этого великолепия, женщина оглядела меня с головы до ног. Ее обширный зад свисал по бокам стула, на котором она сидела.

– Ну что ж, – произнесла она, – посмотрим, что принесло мне сегодня солнышко. Ты ведь девочка Подгорских? Как тебя зовут, *ketzele*²?

– Стефания, – с наслаждением произнесла я свое полное

² Котеночек (*польск.*)

имя.

– А я пани Диамант. Стефания, ты умеешь читать?

– Да, пани Диамант.

– А писать?

Я кивнула. Наша ферма была не в такой уж глуши.

– Хорошо. Отлично. Тогда, будь добра, посчитай товары у меня на полках.

Я сложила в угол за прилавком пальто и принесенный из дома бутерброд с сыром, и пани Диамант вручила мне лист бумаги, прикрепленный к дощечке с болтающимся на шнурке огрызком карандаша. Каблуки моих туфель звонко цокали по скрипящим половицам, это звучало очень по-взрослому и заставило меня улыбнуться. Я составляла опись крупными ровными строчками. Пани Диамант заполняла колонками цифр страницы своей тетради, одновременно наблюдая за мной, и, когда я отодвинула в сторону бутылку содовой, на меня из-за полок уставились два карих глаза.

– Ты всегда поёшь, когда считаешь? – спросил мальчишеский голос.

Я прижала дощечку к груди и залилась краской. Я, оказывается, пела. Как маленькая.

Я и была маленькая девочка. Просто не догадывалась об этом тогда.

Глаза между бутылками с водой насмешливо сощурились и исчезли. А потом они уже оказались над полками, разглядывая меня сверху. Высокий подросток, еще по-мальчише-

чьи худой, с копной спутанных черных курчавых волос, нависающих над дугами темных бровей. Он улыбался.

– Ты уж теперь не останавливайся, – сказал он. – Ты мое утреннее развлечение. Как тебя зовут?

– Стефания.

Он запрокинул голову.

– Тебя ведь никто так не называет, правда?

Так оно и было.

– И как же тебя зовут? Стефи?

– Стефуська.

Он ждал.

– Еще Стефуся, – добавила я. – И Фуся. Но я предпочитаю, чтобы меня называли...

– Стефи, Стефуська, Стефуся, Фуся. – Мальчик помотал головой. – Ты опоздала. Я буду называть тебя Фуся. Спой мне еще песенку, Фуся. *Mame*³ стоит начать продавать билеты...

– Изя! – прикрикнула на него со своего места пани Диамант. – Оставь ребенка в покое, *bubbala*⁴. Она сегодня первый день работает. *Nemen deyn tukis tsu shule*⁵.

– *Mame*...

– Отправляйся в школу!

Он передернул плечами и присоединился к двум другим

³ Мама (польск.)

⁴ Дорогой (здесь и далее – идиши, если не указано иное).

⁵ Тащи свой тухес (место, откуда растут ноги) в школу.

мальчикам, уже ожидавшим его у выхода. Один из них был повыше его ростом, другой – пониже, но у всех троих была одинаковая черная шевелюра. И все они были старше меня.

Братья, решила я про себя. Что такое братья, я знала очень хорошо. С братьями надо всегда уметь постоять за себя.

Я вернулась к своему занятию, сделала запись на листке и в полный голос запела танго, заслышав которое мама всегда выключала радио. И это, само собой, означало, что я слушала его при любой возможности.

*Твои слова нависают надо мной как грозовые тучи,
Твой смех проливает на меня холодный ливень...*

Я чувствовала, что в комнате у меня за спиной насторожились.

*Мне не нужны твои наполненные ветром слова.
Я не хочу слышать твой звенящий смех.
Я просто хочу, чтобы ты ушел...*

Но я не стала произносить следующее слово из песни. Вместо него я спела «в школу». Позади меня раздался хохот, но я сдерживала улыбку до тех пор, пока у дверей не прекратилась толкотня и не послышался топот убегающих ног, сопровождаемый треньканьем колокольчика. Взглянув на пани Диамант, я увидела, что она качает головой, но вокруг глаз у нее собрались морщинки, совсем как у ее сына.

С тех пор у нас завелся утренний ритуал. Перед школой Изидор Диамант, более известный как Изя, просовывал голову из-за двери, ведущей в магазин, и просил:

– Спой для меня, Фуся! – И я запевала дерзкую песенку, приказывая ему отправляться прочь. Не прошло и недели, как вся улица Мицкевича стала называть меня Фусей.

Я узнала, как зовут других братьев. Младшего – Хенека – я не интересовала, а самый старший из троих, Макс, уже начавший обучаться профессии, чаще улыбался, чем говорил. У них был еще один брат, Хаим, изучавший медицину в Италии, в городе, о котором я никогда не слыхала, и сестра во Львове, недалеко от нас; их отец, пан Диамант, не выходил из дома, выздоравливая после какой-то болезни крови. Я также узнала, что мне не придется работать по субботам, поскольку Диаманты – евреи, а также что пани Диамант умеет печь замечательную *babka*⁶.

В мои обязанности входило подметание полов, упаковка покупок и протирание полок, и пани Диамант говорила, что я быстро всему учусь. Довольно скоро она стала посылать меня с разными поручениями на рыночную площадь, и там я впервые стала свидетельницей драки. Двое мальчишек лупили друг друга, барахтаясь в грязной канаве.

Это не было похоже на вспыхивающие порой потасовки моих братьев или драки ребят в моей школе в Бирче, нет.

⁶ Бабка (польск.) – традиционная польская сладкая выпечка из дрожжевого теста, часто с добавлением изюма и ванили. – Прим. ред.

Происходящее выглядело отвратительно.

Стоявший поблизости полицейский, потушив окурок каблуком, безучастно наблюдал за происходящим, как вдруг мужчина, в перепачканных брюках, со следами сажи на щеке, растолкал круг зевак и, схватив за воротники рубашек, растащил в стороны шипящих как коты и плюющихся друг в друга мальчишек. Одного из них, которого он держал правой рукой, мужчина тряс до тех пор, пока, как мне показалось, у парня не стали лязгать зубы.

– В чем дело, Оскар? – спросил он наконец. – С чего это ты устроил на улице драку, как бандит?

– Он меня ударил, – с трудом выговорил Оскар.

– Да что ты говоришь?! Значит, он тебя ударил?! Стукнул тебя безо всякой причины?

Человек перевел взгляд на другого мальчишку, и вся толпа также повернулась в ту сторону.

Мальчик подобрал с земли кепку и вытер кровь с разбитого носа.

– Он назвал меня грязным евреем.

Мужчина покачал головой и снова встряхнул Оскара.

– Что с тобой не так? Посмотри на этого парня...

Оскар, скосив глаза, посмотрел в сторону своего соперника.

– У него такие же руки и ноги, как у тебя, и по жилам тоже течет кровь. Что тебе за дело, если его семья соблюдает закон Моисея? Давай-ка пожми этому мальчику руку. Ну,

быстрее, пока я не рассказал твоей матери!

Мальчишки нехотя обменялись рукопожатием, и, когда они разошлись в разные стороны и толпа стала рассеиваться, стоявшая за моей спиной женщина пробормотала:

– Грязный еврей.

Я нашла для пани Диамант сливы по хорошей цене. Вернувшись в лавку, я проскользнула через дверь и, запершись в туалете, стояла там, уставившись на свое отражение в зеркале. Я трогала свое лицо, кожу на руках, каштановые волосы. Люди ненавидят этого парня, потому что он еврей. Быть может, Диаманты ненавидят меня за то, что я католичка?

В тот день я уговорила пани Диамант встать со своего стула и сделать вместе со мной зарядку вроде той, какую, как я видела, делают ученики на гимназическом дворе. От наших упражнений несколько шоколадок в красивых обертках соскользнули с полки на пол, а пани Диамант смеялась не переставая и вытирала пот в складках шеи.

– Иногда, моя *ketzele*, – я уже знала, что это слово означает «котеночек», – солнышко, которое ты приносишь с собой, бывает очень жарким!

На ее мягких щеках появились ямочки, и она вручила мне шоколадку, взяв другую для себя.

И я вдруг поняла, что до моего появления в лавке пани Диамант чувствовала себя одиноко, а теперь это не так. И что мне тоже было одиноко на ферме с братьями и сестрами, занятыми каждый своим делом, с мамой, у которой всегда

было слишком много хлопот, и с курами в загоне. А теперь я тоже не была одинокой.

В следующее воскресенье, пойдя вместе с Андзей к мессе, я поблагодарила Бога за то, что он привел меня к Диамантам. В конце концов, в моей Библии тоже был Моисей, и я не сомневалась, что Бог его любит.

Я узнавала много нового.

Изя научил меня петь неприличные песни на идише, а я решила, что больше не буду приносить в магазин бутерброды с ветчиной, хотя пани Диамант и говорила мне, что не имеет ничего против. Зимой, когда стало рано темнеть, я ужинала в находившейся за углом квартире Диамантов, где их уже почти взрослые сыновья толковали между собой о медицине, а пан Диамант время от времени задавал вопросы вроде «Что лучше: хорошая война или худой мир?». И они начинали доказывать каждый свое, а пан Диамант сидел в сторонке и курил сигарету за сигаретой. В эти холодные вечера Изя провожал меня домой; глубокий снег в свете уличных фонарей казался золотым.

Пани Диамант теперь каждое утро делала со мной зарядку. Ей пришлось ушить свои платья. А мне, напротив, пришлось свои распустить. Я теперь знала, как улыбнуться, чтобы молодой человек купил вместо одной шоколадки две, и моя улыбка становилась еще приветливей, если он вручал мне вторую шоколадку. Как только с треньканьем колокольчика за ним закрывалась дверь, я клала шоколад обратно на

витрину, а монеты – в кассу, и пани Диамант хихикала. Я научилась завивать волосы и позаимствовала у сестер губную помаду, напевая про себя, пока по радио передавали новости о том, что Германия вторглась в Чехословакию. И, когда Андзя переехала в Краков, а Марыся решила снять комнату в противоположном конце города, пани Диамант поцокала языком, собрала морщинки вокруг глаз и сказала:

– Тогда живи у нас, моя *ketzele*.

В квартире у Диамантов не было свободной комнаты, поэтому они с помощью бордовой шторы отгородили пространство в конце коридора и устроили внутри для меня постель, поставили стол с настольной лампой и повесили над ним зеркало. Я пришила к стене литографию с изображением Мадонны с Младенцем и повесила на спинку кровати свои четки. В Йом-Кипур, во время которого она соблюдала пост, пани Диамант прятала у меня под кроватью секретный запас блинчиков. В свете настольной лампы мое гнездышко окрашивалось мягким красноватым светом.

Единственным недостатком в моем убежище было отсутствие окна. И когда по ночам становилось жарко, я пробиралась в гостиную, где окна всегда держали открытыми, чтобы проветрить комнату от застоявшегося табачного дыма. В темноте я садилась на подоконник, упершись босыми ногами в оконную раму и вслушиваясь в гудки отходящих и прибывающих на железнодорожную станцию составов. С одной стороны от меня сонно дышала квартира, с другой, внизу,

расстилалась темнота спящего города.

Тогда я еще не знала, что темнота несет с собой страх.

Изя подходил к моему подоконнику и сидел, развалившись в кресле, или ложился, закинув руки за голову, на ковер. Он шепотом рассказывал мне о своих занятиях в университете, о странах, где ему больше всего хотелось побывать (в Палестине и в Турции), о стране, в которую мне хотелось бы поехать (об Америке). И его интересовало мое мнение о разных вещах, например, думаю ли я, что Гитлер вторгнется в Польшу. Но войны не занимали в моих мыслях не только первого, но даже второго или третьего места в те ночи. Изе уже исполнилось восемнадцать. Он вырос. Возмужал. Его длинные загнутые ресницы бросали словно нарисованные сажей тени на веки.

В то последнее лето Макс тоже иногда приходил к подоконнику. Он был миниатюрнее и молчаливее своего брата, но, когда начинал говорить, в голове у меня появлялось множество серьезных мыслей о жизни. А порой он шутил, да так, что от смеха начинали болеть ребра. Изя обнимал его за талию, стараясь не расхохотаться, чтобы не разбудить мать.

Мне нравилось смотреть, как Изя смеется над его остроумиями.

Однако вскоре Макс перестал приходить к нашему подоконнику. Весь мир спал, кроме меня и Изи.

Думаю, Макс все понял раньше меня.

Летние ночи стали холодными, наступала последняя

осень, и, когда вокруг подоконника закружились желтые листья, а в воздухе запахло горьким угольным дымом, Изя в темноте взял меня за руку. Мы условились, что это будет нашей тайной. Спустя две недели на Перемышль упали первые немецкие бомбы.

3. Сентябрь 1939

Первой моей мыслью было, что это русские самолеты. Они пролетели так низко, что на полке задребезжала Марысина посуда. В школе был первый день занятий, и на тротуарах толпилось множество детей с книжками и ранцами, спешивших домой после короткого школьного дня. Я выглядывала из окна новой квартиры своей сестры, расположенной на противоположном берегу реки Сан, ожидая ее к обеду. Прикрыв глаза ладонью от яркого солнца, я смотрела на самолеты, оставлявшие в небе длинные черные следы. Вдруг стоявшая на углу гостиница рухнула, окутанная облаком цементной пыли, и загорелась.

Я вскрикнула. Люди на улицах кричали. Дети на тротуарах разбежались в разные стороны. Я почувствовала, как затрясся пол у меня под ногами и задрожали стены. Захлопнула окно, но до меня все равно долетал звук взрывов откуда-то издалека; над городом поднимались клубы дыма. Раздался свист, перешедший в грохот, дом зашатался, и, не удержавшись на ногах, я упала на колени. На полу валялась сорвавшаяся со стены Марысина литография с Мадонной. На четвереньках я подползла к дверям. Дым на лестничной площадке был такой густой, что мне пришлось снова захлопнуть дверь. Горела лестница. Марысина квартира была на третьем этаже.

Впервые за долгое время мне захотелось, чтобы мама оказалась рядом.

И вдруг я вспомнила, что в нашем доме на ферме были длинные перила вдоль лестницы. Вспомнила, как Ольга и Андзя, визжа от восторга, скатывались по ним вниз, по очереди засекая время, требовавшееся каждой для спуска, на старых папиных карманных часах. Я стащила с Марысиной кровати шерстяное одеяло, завернулась в него так, что спережи получилось два слоя, набрала в легкие воздуха и вбежала в пекло на горячей лестнице.

Я скользила по обътой пламенем лестнице, крепко прижавшись к перилам завернутыми в одеяло локтями и ногами, вцепившись зубами в его шерсть. С третьего этажа на второй, со второго на первый; жар обжигал глаза, не давал дышать. Затем с первого этажа еще вниз, в прохладную сырость подвала, где я откашлялась, задыхаясь, и ногами затоптала загоревшиеся края одеяла.

В полутемном углу сгрудилась кучка людей. Они удивленно разглядывали меня. Я уставилась на них слезящимися глазами, потом заорала:

– Вы что, не видите, что дом горит?

Как убегающие от опасности крысы, мы выскочили на заваленную обломками зданий, неузнаваемо изменившуюся улицу. В воздухе висела пыль, отовсюду тянулся дым. Люди, крича от боли, в панике молили о помощи. Их было много, десятки. Крики и стоны раздавались со всех сторон. Дом,

напротив того, где жила Марыся, раскололся надвое посередине, как будто кто-то разрезал пополам гигантский пирог. На одном из этажей балансировала над пропастью кровать, а на самом верху висел, уцепившись за балку и беспорядочно дрыгая ногами, человек. Над ним с воем и грохотом пролетел самолет; вдалеке слышались взрывы и звон колокола на карете скорой помощи.

Вдруг у самых моих ног зашевелились обломки, и из-под них высунулась рука. Я помогла мужчине выбраться наружу: из-под груды битых кирпичей на свет выползло серое окровавленное привидение. Я даже не успела спросить его имя: он ушел, пошатываясь, бормоча что-то о своей жене и о немцах. Я побежала домой. Не на ферму, но в самое лучшее после нее место, стремглав пролетев через мост, думая при этом о том, что мост представляет собой замечательную цель для бомбометания. Я промчалась сквозь арку, соединявшую постройки на Мицкевича, 7, вбежала во внутренний двор и, едва переступив порог квартиры Диамантов, увидела перед собой Изю, который без долгих разговоров потащил меня в подвал.

Макс был уже там. Пан и пани Диамант, Хенек, Хаим, всего за месяц до этого вернувшийся из Италии, и множество соседей – все они, сгрудившись, сидели в грязном и темном подвале. Пани Диамант раскинула мне навстречу руки, и я уткнулась лицом в ее грудь; Изя сел по другую сторону от меня.

– У тебя ожог, – сказал он, указывая на мое запястье. Я этого даже не заметила. В полутьме он, так, чтобы не увидела его мать, взял мою покрытую волдырями руку.

По улице над нашими головами грохотали танки, но я все равно чувствовала себя в безопасности.

У кого-то оказался с собой радиоприемник на батарейках, и мы слушали обращение президента Мосцицкого, в котором он призывал молодых поляков отправляться во Львов, чтобы не быть призванными в германскую армию. Лучше вместо этого эмигрировать в Россию. Мужская часть семейства Диамант шепотом совещалась между собой. Видно было, что они не впервые обсуждают эту тему. Спустя пятнадцать минут четверо молодых людей, поцеловав мать, закинув за спину скатки с одеялами и сменой белья и положив в карманы немного хлеба, уже двигались по дороге в направлении Львова.

Я все еще ощущала тепло Изиных рук на своей обожженной руке.

Пани Диамант плакала, обхватив голову руками, а я обнимала ее и гладила по волосам. Теперь я буду заботиться о ней. О моей старушке. О моей *babcia*⁷.

Пан Диамант покачал головой.

– *Di velt iz sheyn nor di mentshn makhn zi mies*, – произнес он. – Мир прекрасен, но люди делают его ужасным.

Утекло немало времени, прежде чем я поняла, что братья

⁷ Бабушка (польск.)

Диамант убежали не потому, что решили последовать призыву президента Мосцицкого. Они убежали потому, что были евреями.

Мы просидели в подвале неделю; младенцы плакали. Мы слышали, как в город вошли русские, слышали стрельбу. Раз в день кто-нибудь, рискуя жизнью, бежал наверх, чтобы принести еды, воды и керосина для лампы. И когда наконец стрельба закончилась и стало не слышно танков, мы решились выбраться наружу. Перемышль оказался разделенным надвое. Часть города по одну сторону от реки, где жила моя сестра, теперь принадлежала немцам. Наша сторона – русским.

Гитлер со своими войсками подобрался прямо к нашему берегу.

И остановился.

Итак, мы похоронили погибших, убрали обломки, вставили стекла в окна и вычистили магазин от пыли. На улицах тут и там попадались воронки от снарядов, а на месте многих домов теперь было пусто, как во рту, из которого выдернули зубы. Русские солдаты охраняли главные дороги и железнодорожную станцию; евреев из оккупированной немцами западной части Перемышля перегнали на нашу сторону. Мост через реку был разбомблен, и мы наблюдали, как пленники, выстроившись длинной цепью, переходили по железнодорожному мосту. За их спинами еще поднимался кверху черный дым от сожженной синагоги.

Еврейский квартал оказался перенаселен; в комнату, где прежде жили Хаим и Макс, власти подселили Регину и Розу, двух немецких евреек, уже однажды бежавших от Гитлера; пережившие изгнание во второй раз, они не выказывали желания общаться с кем бы то ни было и быть любезными. Они осмотрели свою новую комнату, представлявшую собой небольшую студию с маленькой раковиной и плитой, закрыли за собой дверь и ни с кем из нас не разговаривали. И, поскольку наша часть Перемышля и так оказалась теперь в России, братья Диамант вернулись из Львова.

– Вы виделись с сестрой? – спросила пани Диамант. – Как там моя Эрнестина?

– Никто ее не видел, *Mame*, – ответил Хаим. – Со времени бомбежки.

Я внимательно следила за лицом моей *babcia*, но по нему пробежала лишь мимолетная тень.

– Значит, она уехала в какое-нибудь безопасное место, – сказала пани Диамант, – к кому-нибудь из моих родственников или к сестре вашего *tata* в Вену. Она напишет, когда почта заработает.

И она снова принялась помешивать суп в огромной кастрюле. Макс встретился со мной взглядом и покачал головой. Их сестра никак не могла оказаться в Вене.

У нас на улице из уст в уста передавались слухи. Люди шепотом рассказывали, что, пока мы прятались в подвале, немцы гоняли по всему Перемышлю, в том числе по улице

Мицкевича, сотню евреев, среди которых были старики и дети, и, если кто-нибудь из них падал, немецкие солдаты их избивали. Когда никто уже не был способен бежать, людей отвели на кладбище и расстреляли.

Я не обращала внимания на слухи. Попросту не верила им. Это невозможно, никто не станет так делать. А на кладбище полно свежих могил из-за бомбежки.

Я не хотела верить, и поэтому мне нетрудно было лгать самой себе.

Вместе с пани Диамант мы работали в магазине. Пан Диамант теперь чувствовал себя лучше и дважды в неделю пек хлеб. Хаим устроился на работу в городскую больницу, а Макс по рабочим дням ездил в поселок Низанковице, в четырех километрах к югу, где работал помощником дантиста. Хенек и Изя продолжили учебу.

Изя оставался таким же, как всегда. Но при этом что-то в нем изменилось. По утрам он заглядывал в магазин. Я пела для него скабрезные песенки. Он учил меня ругательствам на немецком и идише на случай, если гитлеровские войска переправятся на нашу сторону, а по ночам мы танцевали перед распахнутым окном под оркестр, игравший в ресторане напротив. Изя мне о многом рассказывал. Но не обо всем. Он начал курить. Я как-то спросила Макса, что они видели по дороге во Львов, и тот коротко ответил:

– Кровь.

Больше я его ни о чем не спрашивала.

Почта снова заработала, и я получила письмо от матери. Она оставалась на ферме вместе с моими младшими сестрой и братом, и они были в безопасности.

Старшие братья и сестры жили в разных концах Польши. Пани Диамант так и не получила письма, хотя каждый день заглядывала в почтовый ящик. Я купила туфли на высоких каблуках, ходила иногда в кино, а по ночам сидела вместе с Изей, вдыхая дым его сигареты и глядя на мерцающие огни на немецком берегу реки.

Весной мне исполнилось шестнадцать, и пани Диамант начала посылать меня на ежемесячные собрания владельцев магазинов. Ей трудно было ходить пешком через весь город, но надо было исполнять глупые правила, установленные русскими, и от меня требовалось только, сидя где-нибудь в задних рядах, отвечать «здесь», когда выкрикивали имя Лии Диамант, а потом пересказывать ей то, что казалось мне важным. Отправившись на собрание в третий раз, я немного опоздала. Возможно, задержалась на рынке возле лотка с чулками. Входя в помещение, я постаралась бесшумно прикрыть за собой дверь, но в этот момент человек на сцене произнес:

– Лия Диамант?

– Здесь, – отозвалась я, и публика, состоявшая в основном из мужчин средних лет, среди которых затесались одна или две женщины, как по команде обернулась в мою сторону. Люди на своих местах оживленно переговаривались. Та-

кая молоденькая – и у нее уже собственный магазин! Какая целеустремленная! Эта пани Диамант – как раз то, что нужно нашему городу! Кто-то заплодировал, к нему присоединилось еще несколько человек, и наконец целый зал устроил мне овацию. Я, красная как рак, плюхнулась на первое же свободное место и старалась не смотреть ни на кого, кроме человека на сцене, мечтая только, чтобы все поскорее закончилось, я могла убежать домой и спрятаться в своей берлоге за бордовой шторой.

– Браво! – шепнул чей-то голос мне на ухо.

Я покосилась на незнакомца. Рядом со мной сидел молодой человек с прыщами на подбородке. Наверное, ему непросто было обходить их при бритье.

– Вы давно владеете своим магазином?

– Нет, – пробормотала я, чувствуя у себя на щеке его горячее дыхание.

– Вы унаследовали его от ваших родителей?

Я не стала отвечать и принялась разглядывать мужчину на сцене так внимательно, как будто ничего интереснее его не существовало на свете.

– У моих родителей есть мясная лавка, – выдохнул парень. – Но теперь она моя. Ну, то есть я веду в ней все дела. У меня там работают мясники, три человека. Сам я рук не пачкаю, мой ангел. Так по какому адресу можно вас найти?

Я повернулась к нему.

– Вы когда-нибудь закрываете свой рот или вообще неспо-

собны заткнуться?

Он не был на это способен. И ему не составило большого труда узнать мой адрес, поскольку уже на следующий день он явился в магазин. Так же, впрочем, как и многие другие люди, присутствовавшие накануне на собрании: они пришли, чтобы поглядеть на юную деловую особу, и в тот день мы распродали половину товаров. Пани Диамант кивала и улыбалась в ответ на вопросы, не дочь ли я ей, толкая меня локтем в бок, чтобы я поддерживала эту версию, и шепча мне на ухо, что было бы здорово, если бы я могла ходить на эти собрания дважды в неделю. Прыщавый молодой человек купил у нас полкило яблок и содовую, представился Збышеком Куровским и пригласил меня сходить с ним в ресторан.

Я отказалась. Он пришел на следующий день и повторил приглашение. Я снова отказалась, на этот раз довольно резко. Он заявил, что к нему стоит очередь из девчонок, только пальцем помани. Я отвечала, что это здорово, и посоветовала ему не теряться, пойти и поскорее поманить. Он покинул магазин с мрачным выражением лица, и я порадовалась, что наконец от него отвязалась.

Однако спустя всего три дня, когда в магазине оказалось столько покупателей, что Изе пришлось прийти к нам на помощь после занятий, я увидела, как он, ухмыляясь, собрав насмешливые морщинки вокруг глаз, через плечо русского солдата кивком головы указывает мне в сторону двери. Там опять стоял Збышек, но на этот раз он пришел в сопровож-

дении немолодой пары. Дама по самые уши была закутана в горжетку из оранжевого меха, на руках – перчатки. Пока я завязывала шпагатом покупку для очередного клиента, дама подошла к прилавку и, представившись пани Куровской, попросила дюжину кремовых пирожных. Я достала их с полки, после чего она потребовала еще плитку шоколада с миндалем и два килограмма яблок. Пока я упаковывала для нее покупки, она засыпала меня множеством вопросов. Сколько часов в день я работаю? Часто ли болею? Есть ли у меня сбережения? Где я покупаю одежду?

Збышек стоял рядом со своим отцом, заложив руки за спину и разглядывая потолок; краем глаза я заметила, что пани Диамант и Изя подвинулись к нам поближе и прислушиваются к разговору, делая при этом вид, что заняты чем-то другим. Я вручила даме ее покупки, чувствуя, что у меня горит лицо.

– Панна Подгорская, – провозгласила пани Куровская, – вы, как мне кажется, умелы и расторопны в работе, и у вас приятные манеры. Думаю, вы пришлись бы ко двору у нас дома.

На мгновение мне показалось, что дама хочет нанять меня в качестве горничной. Однако одного взгляда на мужскую часть семейства Куровских хватило, чтобы понять: я была права. Теперь уже большинство присутствовавших в магазине слушали наш разговор, а Изя прикусил губу, чтобы спрятать улыбку.

– Спасибо, – чопорно ответила я, – но не думаю, что я...

– И такая прекрасная семья, – перебила она, возвысив голос. – Фермеры, добрые католики. Из Бирчи. Не слишком высоко стоят, но и не низко, как раз то, что нам надо.

Она наклонилась ко мне поближе:

– Вы там у какого доктора наблюдаетесь, панна Подгорская?

– Магда, – потянул ее за рукав пан Подгорский, но она отмахнулась.

– Погоди, Густав, не лезь. Это женский разговор. Вы...

– Простите, – прервала я ее, – но откуда вы знаете мою семью? Я никогда не рассказывала вашему сыну...

– Ах, – пани Куровская огляделась, довольная вниманием окружающих, – как только Збышек сказал мне, что нашел девушку, которая ему нравится, я наняла сыщика. Советую и вам сделать то же, панна Подгорская. Все должно быть почестному, не так ли? Но должна вам сразу сказать, что мой сын – хороший мальчик. Он не курит. Не пьет. У него прекрасное будущее, и он совершенно здоров. Он обладает всеми достоинствами, необходимыми для женитьбы. И вам надо выйти замуж поскорее, панна Подгорская, пока на вашем пути не попался кто-нибудь недостойный и не испортил вас.

Я не знала, что ей ответить.

– Но мы могли бы обсудить все в деталях за ужином.

Я замотала головой:

– Нет.

– Во сколько вы заканчиваете работу?

– Нет!

У пани Куровской был растерянный вид.

– Я не хочу выходить замуж, и тем более я не хочу замуж за вашего сына. До свидания и... спасибо, что пришли.

Женщина отошла от прилавка, нагруженная покупками, стянув у горла свою меховую горжетку, и Збышек встал на ее место. Он часто моргал.

– Зря ты так грубо, – сказал он, – это хорошее предложение. Все, о чем рассказала мать, – абсолютная правда. Мои родители просто хотели посмотреть на тебя, понимаешь, на случай, если...

– Я не кусок материи, чтобы осматривать меня, прежде чем купить! – выпалила я.

Теперь уже все покупатели, забыв, зачем пришли, смотрели на нас во все глаза. Даже русский солдат, хоть он и не говорил по-польски.

– Вы... – Я сверлила глазами всех троих Куровских. – Вы все... *geyn in drerd!*

Те из присутствующих, кто понял, затаили дыхание. Я сказала Куровским, чтобы они шли к черту. На идише. За то, что я знала это выражение, следовало благодарить Изю.

Пани Куровская повернулась на каблуках и в сердцах резко распахнула дверь, ее муж последовал за ней, но Збышек лишь ухмыльнулся.

– Ишь ты, какая заносчивая, – сказал он. – Мне это нра-

вится. До скорой встречи, мой ангел.

И, послав мне воздушный поцелуй, вышел.

В магазине на мгновение установилась мертвая тишина. А потом моя *babcia* расхохоталась так, что чуть не свалилась со стула. Все, кто был в магазине, засмеялись, и через мгновение я присоединилась ко всеобщему хохоту. Изя тоже смеялся, но при этом вид у него был задумчивый.

В ту ночь возле окна он все еще выглядел таким; он лежал на полу, подложив под голову подушку и задрав ноги на диван, в темноте светился кончик его сигареты. Мы говорили о том, что я терпеть не могу кур, кроме тех, что уже лежат на тарелке, о различиях между немецким *Nichnut*⁸ и *nudnik*⁹ (их не было) и о том, установят ли заново русские свою статую на площади или детишки так и будут карабкаться лежащему Ленину на голову. Было уже очень поздно, и Изя замолчал. Он снова задумался. С ним это случалось порой. Мне казалось, что отсвет от сигареты придает ему таинственный вид.

Наконец он заговорил:

– Фуся, мне надо еще три года учиться в медицинской школе. Хаим надеется, что, когда я окончу ее, он сможет помочь мне устроиться на работу в больницу. Если только...

Он имел в виду, если только немцы не придут. Но с чего вдруг они придут? У Гитлера есть договор со Сталиным. Пани Диамант любила повторять:

⁸ Ночь (нем.)

⁹ Нудист (польск.)

– Немцы уже проиграли одну войну. А Россия – такая большая страна...

– Но если немцы придут, – продолжал Изя, выпустив струйку дыма, – Хаиму, Максу, Хенеку и мне придется снова бежать.

– Но зачем? В прошлый раз от вашего бегства не было никакой пользы.

Изя сел.

– Ты что, ничего не слышала? У тебя что, в ушах затычки? Ты ведь знаешь, что нацисты делают с евреями.

– Но это все рассказы.

– Нет, Стефания, это правда.

Я нахмурилась и стала смотреть в окно, уязвленная тем, что он назвал меня полным именем. Внизу, грохоча сапогами, промаршировали русские.

Изя продолжал.

– Короче, пройдет много времени, прежде чем я получу диплом и работу, такую, чтобы содержать жену. Три или четыре года. Может быть, пять. И я хотел спросить тебя, Фуся, сможешь ли ты ждать все это время?

Я вглядывалась в глубину темной комнаты, но Изя погасил сигарету, и мне стало не видно его лица.

– Ты хочешь, чтобы я прислуживала твоей жене?

– Да нет же, *Dummkopf*¹⁰, – вздохнул он. – Я прошу тебя выйти за меня замуж.

¹⁰ Дурочка (нем.)

Я одним движением спустила ноги с подоконника.

– Ты ведь не пошлешь меня к черту? – спросил он. – И не споешь мне танго?

При всем желании я не смогла бы вспомнить, как звучит танго.

– Слушай, ты не выпадешь из окна?

Я и в самом деле могла вывалиться. С удивлением обнаружила, что у меня подгибаются колени; Изя поднялся с пола и взял мои руки в свои.

– Три года, – сказал он. – Может быть, дольше. Ты будешь меня ждать?

– Но что скажут твои родители?

Я думала о синагоге по субботам и о костеле по воскресеньям. А что скажут мои родные?

– Ты ведь уже член нашей семьи. Ты это знаешь. Но, может, лучше пусть это будет нашим секретом. Пока.

Как оно всегда и было. Он коснулся моих волос.

– Стефания, Стефи, Стефуська, Стефуся, Фуся Подгорская, – шептал он. – Ты будешь меня ждать?

И я поцеловала Изидора Дdiamанта. Это был долгий поцелуй.

Через месяц на Перемышль снова упали немецкие бомбы.

4. Июнь 1941

На этот раз взрывы раздались перед рассветом, когда все еще крепко спали. Но я сразу безошибочно поняла, что происходит. Выскочила из-за своей занавески, и Макс, схватив за руки мать и меня, тащил нас в толпу людей в ночных рубашках и пижамах, спускавшихся по шаткой лестнице в подвал. За нами следовали Хаим и Хенек, Изя тащил на спине больного отца, как мешок с картошкой.

Поначалу мы дрожали в своих тонких одеяниях, но вскоре в тесно набитом людьми подвале стало жарко и очень душно. Плакали дети, с потолка из-за продолжавшейся бомбежки на нас сыпались куски штукатурки и пыль. Хенек стал ныть, что я навалилась на него всей своей тяжестью, и я в конце концов двинула его рукой в подбородок. Изя обнял меня. Пани Диамант заметила и покачала головой, забормотав что-то себе под нос.

К полудню бомбежка и артиллерийский обстрел прекратились, и мы слышали то приближавшуюся, то отдалявшуюся автоматную стрельбу и шум мчавшихся мимо нашего дома автомобилей. Мы с Изей посмотрели друг на друга, потом на Макса. Если в городе немцы, им придется бежать. Но я думала, что, возможно, пан Диамант прав. Россия может победить.

Бой возобновился где-то совсем рядом: слышались

стрельба, потом звон разбитого стекла. Когда выстрелы наконец стихли, Хенек выбрался на улицу. Он сообщил, что в окнах магазина, как манекены, валяются трупы немецких солдат. В подвале слышались радостные возгласы, но вскоре снова началась перестрелка. Я заткнула уши, чтобы не слышать стоны раненых. Когда в конце концов бой совсем прекратился и Хенек снова прокрался вверх по ступеням, на улице было пусто. Ни машин, ни раненых. На этот раз мертвые солдаты в окнах магазина были русские. Они стояли, привязанные к ручкам швабр, и на их лицах были наклеены свастики.

– Скоро здесь будут немцы, *Mame*, – сказал Хаим.

Пани Диамант засуетилась, как будто очнувшись ото сна.

– Быстро все наверх! Живее! – выкрикнула она.

Мы повиновались, выбравшись из толпы несчастных людей и устремившись вверх по ступеням.

– Фуся, – сказала пани Диамант, задохнувшись на крутой лестнице, – достань коробку с деньгами из-под кровати. Сосчитай деньги и раздели их на пять равных частей, хорошо? Мальчишки, наденьте крепкие ботинки и по два слоя одежды, чтобы у вас в сумках осталось больше места для продуктов. И по пути вниз зайдите в магазин и возьмите с собой столько хлеба, сколько сможете унести...

К тому моменту, как я закончила считать и делить деньги, молодые люди уже стояли одетыми, а пани Диамант запихивала в их рюкзаки пустые бутылки, так как воды в кранах уже

не было. Хаим кивком попрощался со мной, Хенек смотрел в сторону, Макс улыбнулся, а Изя поцеловал меня в лоб.

– Дождись меня, – прошептал он.

– Позаботься о наших родителях, – попросил Макс. И добавил: – Пожалуйста.

Прежде чем я успела ответить, их уже не было рядом.

Я даже представить не могла раньше, что такое может когда-нибудь произойти.

Пан Диамант упал в кресло, потрясенный, он не мог даже курить; у меня ныло в груди. И пани Диамант это заметила. Так же, как она видела обвившуюся вокруг меня Изину руку и то, как он поцеловал меня в лоб. Она сняла очки, вытирая их о кофту, накинутую поверх ночной рубашки. Лицо ее было покрыто пылью, только вокруг глаз под очками оставались чистые круги. Она пристально смотрела на меня, и в глазах ее был гнев; никогда прежде она не смотрела на меня так.

Меня как будто ударили в живот.

Я подошла к раковине, чтобы помыть посуду, остававшуюся там с позавчера, повернула кран, но совсем забыла о том, что воды не было. Кроме той, что текла из моих глаз по лицу. Пани Диамант вздохнула, притянула меня к себе, назвала своей *ketzele*, и мы заплакали вместе по ее сыновьям под перезвон карет скорой помощи.

Нам следовало поберечь свои слезы для будущего.

Немецкие войска маршировали по улице Мицкевича, ко-

лонна за колонной, и грохот их сапог был слышен даже сквозь закрытые окна. Роза и Регина поднялись из подвала, вытрясли свою запыленную одежду у нас в прихожей, так что мы в конце концов начали чихать, и захлопнули дверь. Я думала о том, как им удалось бежать из Германии. И об Изе, и об историях, которые он мне рассказывал, которым я не хотела верить. Но которым верил он. Я смотрела на пани Диамант, слабую и изможденную, на мою *babcia*, мягкую, как масло, на ее лицо с бороздками от слез. Я повернулась спиной к окну, за которым маршировали солдаты, и сказала: – Нам надо бежать.

Пришлось потратить некоторое время, чтобы она согласилась, но, оставшись без сыновей, пани Диамант поддавалась на мои уговоры быстрее, чем ожидалось. Я предложила идти на восток. В Низанковице. Кто знает, быть может, немцы не станут искать евреев в деревне. Не так, как в городе.

Им придется приложить слишком много усилий, чтобы нас найти.

Пока пани Диамант зашивала свои драгоценности в пояс, а деньги – в лифчик, я добыла воды, прибрала на кухне, упаковала еду и припрятала подсвечники. У меня не было уверенности, что Регина и Роза не станут шарить по комнатам, когда нас не будет. Мы даже не стали им говорить, что покидаем квартиру.

Поезда не ходили, поэтому нам пришлось брести пешком через весь город, стараясь держаться подальше от глав-

ных улиц. В конце концов мы слились с толпой таких же, как мы, беженцев, пытавшихся спастись от занявших Перемышль немцев. Каждые сорок – сорок пять минут пан и пани Диамант останавливались, чтобы немного передохнуть, хотя я навьючила на себя рюкзак со всеми нашими припасами; мне приходилось все время замедлять шаг, чтобы не оторваться от них. Я останавливалась и ждала их, глядя в небо. Что же я делаю? Как смогу взять на себя заботу об этих людях, которые по возрасту могли бы быть моими бабушкой и дедушкой? Кто-то другой, а не я, должен был бы взвалить на себя этот груз, принять ответственность.

Только вот не было никого рядом. Одна я.

Так начался следующий этап моей школы жизни.

День клонился к закату, а мы прошли только полдороги до Низанковице; мы плелись с группой людей, среди которых были старики, некоторые постарше пана Диаманта, женщины с детьми и больные, которых везли на тележках. Все они двигались очень медленно. Вдоль дороги валялось оружие, оставленное отступавшими русскими войсками, любой желающий мог взять его себе. Слышались одиночные выстрелы, порой где-то в лесу раздавалась автоматная очередь, сопровождавшаяся мальчишескими криками. Нам попались трое раненых, лежавших возле дороги. Я заставила себя пройти мимо: даже если бы на руках у меня не было двух стариков, я все равно ничем не смогла бы им помочь.

Солнце все еще пекло довольно сильно, пан и пани Диа-

мант были почти без сил, к тому же мы давно выпили всю воду и нас обурежала жажда. Поэтому я повела нашу небольшую группу вдоль проселочной дороги в надежде набрести на ферму с колодцем.

Вскоре мы действительно увидели ферму. Дом с покатой красночерепичной крышей и хлев, из которого доносилось коровье мычание. Прямо перед домом был крытый колодец. Я благодарно склонилась над ним, вытащила цепь с полным ведром воды, стараясь наполнить бутылку через узкое горлышко; люди вокруг меня облегченно вздыхали. Пан и пани Диамант, тяжело дыша и поддерживая друг друга, опустились на землю.

– Что это вы тут делаете?

Я взглянула вверх и увидела стоявшую надо мной женщину в платке. Она наставила на меня дуло русской винтовки.

– Извините, пожалуйста, – сказала я, – мне надо было постучать.

Я одарила ее своей самой лучшей, «купи мне шоколадку», улыбкой, но на этот раз она не возымела эффекта.

– Мои... мои друзья очень устали, мы идем издалека...

– Я знаю, кто вы такие, – сказала женщина, тыча ружьем в сторону моей разношерстной компании, примостившейся у нее на дворе. – Жидовские свиньи. Вон отсюда!

Я оглянулась на этих людей. Были ли они евреями? Я не знала.

– Но...

– Вон отсюда, пока я не начала стрелять! – завопила она.

Некоторые люди не любят евреев. Конечно, мне было известно об этом. Тем не менее я раньше и представить себе не могла, что можно отказать в глотке воды детям и старикам в лохмотьях. Я помогла пану Диаманту встать на ноги и проводила взглядом медленно бредших согбенных людей. Поправив лямки рюкзака, я обернулась к женщине с ружьем и колодцем, наполненным водой. И внезапно меня захлестнула такая ярость, что у меня потемнело в глазах.

– Желаю вам, чтобы настал день, когда вы будете умирать от жажды, как эти люди сейчас, и чтобы никто не дал вам напиться, как вы им не дали!

– Пойдем, *ketzele*, – прошептала пани Диамант.

Я повернулась к ней спиной и вздрогнула от раздавшегося выстрела. Пуля просвистела мимо моей головы, и из руки шедшего впереди меня мужчины хлынула кровь; я даже не знала, кто этот человек. Он закричал, но продолжал идти, не останавливаясь. Никто из нас не останавливался, пока мы снова не вышли на шоссе. Пани Диамант перевязала незнакомцу рану своим шарфом; меня тошнило, но так и не вырвало.

Если я решила заботиться о них, если я взяла на себя ответственность за них, если мы все хотим уцелеть, мне надо научиться сдерживать свои эмоции. Даже если вижу несправедливость. Даже если все внутри кипит.

Я не знала, смогу ли в дальнейшем следовать этим прави-

лам.

Когда мы наконец дотащились до Низанковице, была уже почти полночь, и я постучалась в дом пани Новак, католички, у которой Макс снимал комнату по будням, когда работал у доктора Шиллингера.

Она удивилась, увидев нас, но, кажется, наше появление не вызвало у нее досады. Женщина впустила нас в комнату Макса, и пан с пани Диамант уснули, едва коснувшись головой подушки.

Я оглядела помещение. По всему было видно, что здесь жил молодой мужчина. В углу валялись грязные туфли, на тумбочке возле кровати лежали книги по медицине, на комоде стояли фотографии. На одной были запечатлены его братья и сестра. На другой он в пальто и шляпе позировал перед витриной магазина. Еще на одном фото была неизвестная мне девушка. И, наконец, была фотография, на которой я, стоя рядом с пани Диамант, не зная, что меня фотографируют, улыбалась из-за прилавка с шоколадками. Я нашла для себя одеяло и улеглась спать на полу.

Буду скучать по магазину.

На следующий день, оставив Диамантов отдыхать, я выскользнула из дома и отправилась на площадь. Нам нужны были еда, деньги, более-менее постоянное жилье. Я надеялась, что, может быть, найду для себя работу в лавке. Или дом, где требуется помощь в уборке. Вместо этого нашла три валявшихся в грязи безжизненных тела – не поняла, были

они без сознания или уже мертвы; вся деревня гудела как улей. Двое мужчин, по очереди взбираясь на ящик, выкрикивали что-то в собравшуюся вокруг возбужденную толпу. Они были небриты, одеты в комбинезоны, как у фабричных рабочих, на ногах сапоги. Но при этом они были коротко пострижены, стрижка подозрительно аккуратная. Я спряталась за припаркованным поблизости грузовиком.

– Эту войну развязали евреи! – вопил, тыча пальцем в людей, стоявший на ящике человек с красным потным лицом. – Они разорили страну, из-за них наши дети голодают. Ваши семьи всегда будут под угрозой, и эта война никогда не закончится, пока... будет оставаться в живых... хоть один... еврей!

Толпа заревела, люди выкрикивали кто слова поддержки, кто – возражения, и, пока они спорили, несколько мужчин в грязных комбинезонах вместе с напарником стоявшего на ящике мужчины выбежали с площади и скрылись в близлежащем лесочке. За ними последовали еще трое, и немедленно раздались выстрелы. Толпа рассеялась, некоторые из присутствовавших направились в сторону леса, в руках у них были палки и дубинки. Три тела остались лежать на площади. Я убежала и, заскочив в комнату, заперла за собой дверь. Вся была в холодном поту.

– Тебе удалось что-нибудь найти? – спросила пани Диамант. Она листала журнал, задрав на подушку опухшие ноги. Я изобразила на лице улыбку.

– Пока нет, – ответила я и закрылась в туалете. Я слышала свист пули рядом с собой, видела перед собой старика, закричавшего, когда та навывлет пробила его руку. Это сделали не евреи. И не они сбрасывали бомбы на мой город. Неужели все сошли с ума? Я плескала холодной водой на свое горящее лицо.

Пани Новак постучала в дверь, затем с треском распахнула ее. Я выпрямилась над раковиной. Ей очень жаль, но с завтрашнего дня нам придется найти для себя другое место, сообщила она. Эта комната уже зарезервирована другим постояльцем. Комната Макса. С его фотографиями. Пани Новак поджала губы.

– Кому-нибудь стало известно, что у вас живут евреи? – спросила я.

Вопрос застал ее врасплох. Вид у нее был виноватый.

– Я... я просто не хочу иметь неприятности, только и всего.

Я вытирала лицо, стараясь сосредоточиться. Мне хотелось заплакать.

– Имеет ли для нас смысл идти дальше на восток? – прошептала я.

Пани Новак покачала головой.

– Не думаю, что они выпустят вас в Россию, – сказала она.

Мы не стали дожидаться утра. Я подняла пана и пани Диамант в половине четвертого, пока в доме еще спали. Пани Диамант оставила записку, поблагодарив пани Новак за го-

степриимство, я бесшумно закрыла за собой дверь и вывела их на темную дорогу. Я хотела еще до рассвета оказаться как можно дальше от Низанковице.

Обратный путь мы проделали без приключений. На этот раз все прошло гораздо легче. Пани Диамант передвигалась довольно быстро, и даже диабет пана Диаманта не доставлял ему особых неприятностей. Возможно, на этот раз они были больше напуганы, чем опечалены. Я ничего не сказала им о том, что видела в деревне. Однако, судя по тому, как послушно Диаманты следовали за мной, они сами обо всем догадались.

В лесах вдоль дороги было тихо, ни одного выстрела, утренний воздух был прохладен, на холмах лежал туман, и навстречу нам попало лишь несколько беженцев, бредших в противоположном направлении. Уже в два часа дня мы снова оказались в Перемышле, не имея других потерь, помимо стертых ног.

Бремя ответственности давило на меня.

«В городе наши соседи, по крайней мере они не будут в нас стрелять», – думала я.

Не заходя в квартиру, пани Диамант заглянула в магазин, чтобы захватить домой немного продуктов. Мы устали и проголодались, рынок так и не открылся. Длинная трещина с неровными краями прорезала витрину магазина, на стекле желтой краской с потеками была нарисована звезда Давида и написано слово «евреи». Все полки были пусты. Не осталось

ни одного яблока, ни единой шоколадки.

Оставив Диамантов на тротуаре, я побежала в находившийся через дорогу банк. Управляющий, человек, которого пани Диамант знала с пеленок, сообщил, что счет Диамантов закрыт. Что теперь ни у одного еврея нет счета в этом банке. Тогда я сняла все сбережения со своего. Пани Диамант ничего не сказала. Она молча взяла мужа за руку, и мы медленно побрели к себе в квартиру.

По крайней мере, хоть здесь ничего не изменилось. Хотя нет, кто-то явно рылся в шкафах и письменном столе. И кто-то вытрясал свои грязные половики в коридоре: моя красная спальня была серой от пыли. Я видела, как Роза, которую я и заподозрила в этих преступлениях, высунула нос из своей комнаты, но, поймав на себе мой взгляд, тут же с шумом захлопнула дверь. Скорее всего, она надеялась, что мы не вернемся.

На следующее утро мы вместе с пани Диамант пошли на рынок, чтобы на снятые мной со счета сбережения приобрести хоть какой-нибудь товар для магазина, но оказалось, что отныне евреям не разрешается находиться на рынке между восемью утра и шестью вечера, то есть как раз в то время, когда там можно было купить еду. Я отправила пани Диамант домой и сама сделала все покупки, хотя денег для этого у меня было совсем немного.

Кроме того, я перешла на противоположную сторону реки по временному мосту, который немцы перебросили на сме-

ну разбомбленному. Не смогла найти там свою сестру, и не было никого, кто мог бы сказать, где она теперь живет. Я написала письмо матери и в первый же день, когда снова заработала почта, отдала его почтальону. Он шепотом похвалил нас за то, что мы вовремя вернулись из Низанковице, поскольку дорога сейчас стала очень опасной. Многих людей, пытавшихся вернуться, на этой дороге избивали, грабили и даже убивали. Впрочем, и в Перемышле тоже стало опасно находиться. Пани Диамант принесла домой новые немецкие удостоверения личности и белые нарукавные повязки с нанесенными на них желтыми звездами; весь путь туда и обратно ей пришлось идти вдоль сточной канавы, так как евреям теперь не разрешалось ходить по тротуарам. Мы видели, как мальчики в ермолках скребут улицы под наблюдением немецкого солдата с автоматом. Я так и не получила ответного письма от матери.

Задолго до прихода настоящего холода в воздухе чувствовалось наступление зимы. Гнетущей. Темной.

Безнадежной.

Это рождало во мне злость.

Я приплелась домой под проливным холодным дождем, добыв немного продуктов из того, что мы могли себе позволить, и, войдя в квартиру и скинув ботинки, оставляя мокрые следы на полу, пошла к себе. Моя занавеска, моя кровать, даже ведущая в кухню дверь – все опять было покрыто слоем пыли. Я подошла к Розиной и Регининой комнате и

постучала. Не получив ответа, стала изо всех сил колотить в дверь. Из приоткрывшейся щели выглянул один глаз – как мне показалось, Розин.

– Ваша мать вас не учила, что половики вытряхивают на улице? Вы развели в доме ужасную грязь!

Глаз в дверной щели сузился.

– И вы тащите всю эту пыль назад в свою комнату каждый раз, когда выходите и...

Дверь со стуком захлопнулась, и я отправилась за щеткой и совком.

На следующее утро пальто, которое я оставила сохнуть в прихожей, оказалось порезанным ножницами.

– Не огорчайся, – приговаривала пани Диамант, перебирая в руках оставшиеся от пальто лохмотья. – Отчаяние порой перерождается в жестокость. Запомни это, *ketzele*. Мы ведь не знаем, что им пришлось пережить в Германии. Мы должны посочувствовать этим женщинам.

У меня это не очень получалось. Возможно, сдержись я тогда, нам было бы лучше.

Спустя два дня Регина и Роза вызвали к нам на квартиру новую немецкую полицию, гестапо. Когда гестапо побывало у нас впервые, они унесли с собой большую часть книг, картину, серебряную менору и всю унаследованную от бабушки Адлер фарфоровую посуду. На этот раз они явились, поскольку пани Полер отказалась дать Регине ключ от чердака, где мы по очереди сушили белье, до тех пор пока ее

собственные простыни не высохнут. Два офицера-эсэсовца с черепами на фуражках потребовали, чтобы пани Полер открыла им дверь, обозвали ее вонючей еврейкой, ударили по лицу и выхватили ключ из ее трясущихся рук. Они отдали ключ Регине, также назвав ее вонючей еврейкой, после чего Регина и Роза скрылись на чердаке, по-видимому, чтобы порезать на полосы чистое белье пани Полер.

На этот раз пани Диамант уже не стала говорить о жалости.

– Я возьму это дело в свои руки, – пробормотала она, надевая пальто и платок, и поспешила к выходу.

Я сварила бульон для пана Диаманта, который был болен и лежал в постели, и, присев на подоконник, занялась шитьем. Пани Диамант никак не могла пойти на рынок, так как был еще день. Комендантский час начинался в девять, но даже польская полиция, послушно исполнявшая все распоряжения эсэсовцев, могла под любым предлогом задержать еврея на улице.

На улице было очень ветрено, струи дождя стекали по оконному стеклу, и когда пани Диамант наконец ввалилась в квартиру, я выскочила ей навстречу.

– Где вы...

Она махнула рукой и закрыла за собой дверь. С платка у нее на голове и с белой повязки на рукаве стекала вода, на ногах не было ботинок, запачканные пальцы торчали из порванных грязных чулок. Я задала другой вопрос:

– Где ваши ботинки?

– У Гитлера, – ответила она. – Гестапо сказало, что их *фюреру* они нужны больше, чем старухе, бредущей по сточным канавам с водой.

Я вспомнила кровоподтек на щеке у пани Полер и почувствовала, как к горлу подступает тошнота.

– И что вы им сказали?

– Что *фюреру* следует найти себе работу, за которую лучше платят, чтобы он мог купить себе собственные ботинки!

Я оглядела ее со всех сторон, крови на ней не было.

Она покачала головой.

– Они всего лишь толкнули меня на землю, *ketzele*, а я сзади довольно мягкая, так что мне не было особенно больно.

Я не поверила, так как знала: доставшиеся ей от матери драгоценности все еще зашиты у нее в поясе.

В дверь постучали.

Пани Диамант, замерев, смотрела на меня.

– Они шли за вами до самого дома? – шепотом спросила я. Она покачала головой и нахмурилась, сжимая в руке головной платок. Стук повторился.

– Что бы они ни собирались с нами сделать, дверь для них – не препятствие, моя *ziskeit*¹¹, – сказал пан Диамант. Ссутулившись, он стоял, прислонясь к дверному косяку в гостиной. И выглядел как столетний старик.

Пани Диамант медленно подошла к дверям. Щелкнул за-

¹¹ Дорогая (здесь и далее – перевод с идиша, если не указано иное).

мок. Заскрипели петли. Я ожидала услышать немецкую речь. Вместо этого послышался голос Макса:

– Вы думали, что мы не вернемся, *Mame*?

– Ох! – воскликнула она. – Ох, ох! – И втянула его внутрь.

За ним вошел Хаим, затем – Хенек и наконец Изя. Они были мокрые, покрытые грязью, в пальто с обтрепавшимися рукавами, и мать дважды поцеловала каждого в небритые щеки. Я поцеловала их по одному разу; Хенек отпихнул меня, а Макс покраснел, и я рассмеялась над ними обоими.

Изя обнял меня; его объятие было недолгим, но достаточным для того, чтобы я почувствовала, как он по мне скучал. Под рубашкой чувствовалось, как исхудало его тело. Его взгляд стал совсем взрослым. Мне хотелось рассказать ему обо всем, что с нами произошло. А потом мне уже не хотелось ничего рассказывать. Пани Диамант беспрестанно улыбалась, сжимая руки своих сыновей.

Все говорили разом, рассказывая о русском военном госпитале, где всем им нашлась работа, и о своей надежде эвакуироваться вместе с войсками. Однако приказ так и не пришел.

– Граница перекрыта, – сказал Хаим. – Мы не смогли выйти.

Никто из нас не смог.

Мы устроили небольшое пиршество из бульона с кашей, сытного, хотя и не особенно вкусного, остатков хлеба, баночки джема, припрятанной пани Диамант, и яблок. И, несмотря

ря на то что Хаим рассказывал множество ужасных историй о немецких самолетах, расстреливавших с высоты беженцев, и об убийстве ни в чем не повинных людей, в тот вечер смеха было больше, чем слез. Мы смеялись над уродливыми тарелками, купленными мною у старьевщика, вместо изытого у нас фарфорового сервиза. Хохотали, когда Хенек поинтересовался, почему немцы не забрали также и драгоценности, и мать объяснила ему причину. А когда Макс представил Гитлера в женских ботинках, читающего принадлежавшие пану Диаманту «Комментарии к Талмуду», я хохотала, пока у меня не заболели мышцы живота. Изя крепко сжимал под столом мою руку.

Мы многого не знали тогда, нам было так хорошо вместе; мы не знали, что пришел час, когда мужчинам следовало, накрыв головы молитвенными шарфами, обратиться к Богу. А я должна была, стоя на коленях, призывать на помощь Святую Деву и Христа.

Если бы мы только знали, что уже настало время для слез.

5. Апрель 1942

Спустя несколько дней на кухонном столе лежали два письма из жилищной конторы. Пани Диамант ножом вскрыла первый конверт. У нее на лице появилась мстительная улыбка. Она поспешила из кухни, и из коридора донесся спор на повышенных тонах. Я пила чай, гадая, что же такого сотворили Роза и Регина на этот раз, затем открыла второй конверт.

Я прочла письмо. Дважды. Пани Диамант вошла в кухню и с торжествующим видом швырнула на стол письмо. Регина и Роза должны будут съехать, так как их жилье теперь записано на меня. У меня теперь будет собственная комната.

У меня ушло полминуты на осознание этой новости, а потом я передала ей второе письмо. В нем говорилось, что все евреи должны переселиться в гетто. Новое жилище Диамантов будет находиться всего через несколько домов отсюда, в специально отведенном для этого месте позади железнодорожной станции.

У меня, конечно, будет собственная комната. Но я останусь здесь в одиночестве.

Лицо пани Диамант исказилось.

– Мы не будем переезжать, пока нас не заставят, – сказала она.

Спустя два дня Регина и Роза перебрались в гетто. Еще че-

рез три недели по городу были развешены объявления. Каждый еврей, не переселившийся в гетто до полуночи, на следующий день будет расстрелян.

Мы не спали в ту ночь. Я передвигала мебель, паковала уродливые тарелки и выслушивала нескончаемые советы.

– Помни, что ты католичка, – говорила пани Диамант, как будто я могла об этом позабыть. – Они не трогают католиков. Запирай как следует на ночь двери в квартире и в своей комнате тоже. Но мы только спать будем в разных местах. А каждый день будем видеться, правда? В этой коробке вещи, которые ты можешь продать, когда закончатся деньги...

Она сунула мне в руки коробку. А перед этим отдала четвертую часть оставшихся денег, что теперь были спрятаны на кухне в печной трубе, которой мы не пользовались.

– И ты будешь нас навещать, – продолжала она, вытирая пот со лба, – и будешь приносить всякие мелочи, которые нам понадобятся, потому что тебе разрешено покупать и продавать, хорошо?

– Почему вы не берете меня с собой? – в сотый раз спрашивала я. – Я могла бы спать в коридоре, как сейчас...

– Не будь дурочкой, *ketzele*.

Я, наверное, и была дурочкой. Наверное, была *Dummkopf*. Но у меня щемило сердце.

На улице раздались выстрелы, крики, пронзительно взвизгнула женщина. Макс поставил на пол коробку, подошел к окну и резко задернул шторы.

– Не выглядывай в окно, *Mate*, – сказал он. – Ладно?

Он посмотрел на меня, и мне ничего не надо было объяснять. Шторы должны быть задернуты.

В дверь забарабанили кулаком.

Мы уже отличали по звуку, что это может быть только гестапо. Как будто за дверью бились между собой Гитлер и Сталин за то, чтобы первым ворваться в квартиру. И они выбьют дверь, даже если мы не откроем.

Пани Диамант повернулась и выхватила у Изи из рук рюкзак.

– Быстро! – шептала она. – Хватайте свои коробки и тащите их в переднюю спальню. Под кровать. В спальню. Шелитесь! Хаим, Макс! И кухонный стол туда же. И четыре стула. Живее!

Все засуетились. Грохот возобновился. Или, может быть, они теперь колотили в дверь прикладом или дубинкой.

– *Gestapo! Öffne die Tür! Öffne!*¹²

Стол и стулья уже были в моей комнате. Мать кивнула Изе, показывая, что он может отпереть дверь. В прихожую ввалились четверо эсэсовцев и тут же стали рыскать по квартире. Один из них остался в прихожей в своей фуражке с черепом и смотрел на нас, ухмыляясь. Его черные сапоги сияли зеркальным блеском.

– Что происходит? – спросила пани Диамант.

– Молчать! – рявкнул офицер. – Наш фюрер разрешил

¹² Гестапо! Откройте дверь! Откройте! (нем.)

вам пожертвовать лишние вещи в пользу германской армии...

Германской армии, по-видимому, необходим наш диван, думала я, глядя, как его выносят за дверь. Я побежала в гостиную. Один из офицеров вышел из кухни и стал рыться в коробке с одеждой Хаима, которую не успели спрятать в моей спальне. По комнате, тонувшей в полумраке из-за задернутых штор и клубов табачного дыма, окружавшего кресло пана Диаманта, были разбросаны мелкие вещицы из тех, что мы только что упаковали. Офицер сморщил нос и зажал коробку под мышкой.

– Вы, евреи, живете как свиньи, – произнес он – или нам показалось, что он сказал именно это. Его польский был намного хуже, чем у первого офицера. Он вытащил из нагрудного кармана пана Диаманта полную пачку сигарет, засунул ее к себе в карман и ударил старика по лицу. Затем сплюнул на пол.

Стоявший у стены Хаим шагнул вперед, и я видела, как Макс молча сделал останавливающий жест рукой. Хенек стоял в дверном проеме на пороге кухни, сжав кулаки, за спиной у него встал Изя.

В комнате повисло напряженное молчание. Казалось, что сейчас последует неминуемый взрыв.

Я быстро повернулась к офицеру и улыбнулась ему, как если бы хотела, чтобы он купил мне шоколадку. Он остановился, оглядел меня с головы до ног, опустил коробку на пол

и извлек из внутреннего кармана список.

– Ваше имя? – спросил он.

– Это панна Подгорская, – ответила за меня пани Диамант, поспешно входя в комнату в сопровождении первого эсэсовца. Она устремилась к письменному столу и стала рыться в бумагах.

– Я вам уже говорила, ее прописали в одной из спален в нашей квартире. Все вещи в этой спальне принадлежат ей, а не евреям.

Она наконец отыскала письмо из жилищной конторы и вручила его офицеру.

– Это не еврейская собственность, – повторила она, в то время, как эсэсовец в блестящих сапогах читал письмо. Она бросила на меня быстрый взгляд, приказывая молчать. И я прикусила язык.

Второй офицер сверился со своим списком и кивнул.

– Комнату девушки не трогать! – рявкнул он. – Остальное забирайте.

Мы смотрели, как они выносят остатки мебели, все, вплоть до ковров и кресла пана Диаманта. Перед домом был припаркован грузовик, из его кузова торчали вещи, принадлежавшие семьям, жившим в нашем доме. В окно я увидела вышедшую из крайнего подъезда женщину с ведром, она выплеснула содержимое ведра на тротуар, и вода в сточной канаве окрасилась красным.

Я быстро опустила штору. Забыла, что не должна была ее

поднимать.

Эсэсовец со списком в последний раз окинул взглядом пустую квартиру и нас семерых, стоявших и сидевших на голом полу. Довольный тем, что в доме не осталось ничего ценного, он двинулся к выходу. Затем снова повернулся в нашу сторону, подошел ко мне и ущипнул меня за щеку.

– Скоро найдешь себе новых друзей, *ja*¹³?

Он улыбнулся и вышел, а я долго отмывала щеку под краном на кухне.

Диаманты быстро собрали спрятанные в моей комнате вещи. Но пани Диамант сказала, что стол и стулья остаются мне. Она поцеловала меня в лоб, а пан Диамант с покрасневшей щекой, согнувшийся под тяжестью тюка на спине, пожал руку. Хенек попрощался со мной кивком, а Изя поцеловал в губы. Макс в это время изучал трещины на потолке.

– Дождись меня, – сказал Изя.

Когда за ними закрылась дверь, я подошла к окну и запахнула его настежь. Вереница евреев, несших свой скarb в руках или толкавших перед собой тележки, двигалась вдоль по улице мимо железнодорожной станции, и я слышала проклятия, выкрикиваемые им вслед теми же людьми, которые годами покупали в магазине у пани Диамант блины и содовую, крекеры и сыр.

– Собаки!

¹³ Да (нем.)

– Паразиты!

– Грязные жидаы!

Я заперла входную дверь, зашла в свою новую комнату, закрыла ее на ключ, забаррикадировала дверь стулом и легла. Я проплакала до самой темноты, пока на улице не установилась мертвая тишина. Не слышно было шагов по скрипящим ступеням. Ни отдаленных голосов, ни хлопающих дверей. В доме жили евреи, и теперь он стоял пустой, как свежеракопанная могила. И я была в нем совсем одна. Я смотрела, как шевелятся на стенах тени. Мне представлялась мягкая поступь крадущихся по коридору блестящих сапог. И мне не с кем было поговорить. Некому рассказать. Мне нужна была моя мать рядом. Мне нужна была пани Диамант. Мне нужен был Изя. Покрытая испариной, я вцепилась в одеяло на груди.

Мне было очень страшно.

Следующим утром я надела старое пальто пани Диамант, которое она отдала мне взамен изрезанного, и высунула нос из дверей отзывавшейся эхом квартиры. Я переступила через порог, сделала шаг, потом другой, пока не оказалась на лестнице. Буквально скатившись по ступеням, я выскочила в тихий внутренний двор, где не видно было обычно играющих здесь детей. Промчавшись через подворотню дома № 7 по улице Мицкевича, я завернула за угол и перебежала по маленькому мостику на другую сторону железнодорожных путей. Район за станцией был превращен в гетто, и здесь мне

пришлось остановиться.

Вся территория была окружена оградой из нескольких рядов колючей проволоки; внутрь вели ворота, сколоченные из свежеструганных досок. Немецкий полицейский прохаживался взад-вперед перед воротами и, поймав на себе мой взгляд, что-то выкрикнул и направил в мою сторону автомат. Я побежала обратно вдоль железнодорожных путей, потом вдоль ограды, пытаюсь найти, где она заканчивается, но все дороги, ведущие в гетто, оказались заблокированы. Евреев вовсе не «переселили». Их превратили в заключенных.

Я бродила по улицам Перемышля весь день. Смотрела на груды битого кирпича на месте стоявших здесь прежде зданий, заглядывала в витрины магазинов, видела шедших со смены или на смену фабричных рабочих – фабрики теперь принадлежали немцам. Я говорила себе, что ищу работу, именно из-за этого и брожу по городу, а вовсе не потому, что мне одиноко и страшно возвращаться домой.

Я прочитала объявление «Требуется помощница» в витрине парикмахерской и выяснила, что не смогу получить работу где бы то ни было, поскольку у меня нет правильных документов. Мои были польскими, а нужны были немецкие. Я отправилась в бюро трудовых ресурсов в здании городской ратуши. Низкорослый немец за конторкой, поправляя пальцем очки в металлической оправе, объяснил мне, что моих польских документов недостаточно, поскольку я не предо-

ставила свидетельство о рождении. Я могу быть цыганкой. Я даже могу оказаться еврейкой. Чтобы получить нужные бумаги, сказал он, мне необходимо иметь с собой фотографию (на которую у меня не было денег) и свидетельство о рождении (которого у меня никогда не было). У вас их нет? В таком случае, может быть, найдется кто-либо знающий вас с самого рождения? Кто-нибудь, готовый под присягой подтвердить ваше имя, национальность и вероисповедание. Тоже нет? Тогда *auf wiedersehen*¹⁴.

Я вернулась домой, не зная, что делать. Закрыла за собой дверь, стараясь сделать это бесшумно, страшась перекачавшегося по пустой квартире эха. Внезапно резко хлопнула дверь. Где-то внизу. Послышались шаги – кто-то шел вверх по лестнице – быстрее, еще быстрее, и в такт им бешено колотилось мое сердце. Кто-то постучал в дверь комнаты напротив. Потом вновь раздались шаги, теперь уже стучали в мою дверь.

– Можно? – проговорил голос снаружи. Молодой. Женский. Я чуть приоткрыла дверь и разглядела улыбку. Распахнула дверь и увидела молодую женщину в голубом платье с рисунком, слегка покачивавшуюся на каблуках.

– Меня зовут Эмилька, – представилась она. – Я получила комнату на первом этаже, но мне здесь как-то боязно. Все комнаты пустые, двери заперты. Здесь чересчур тихо, и да, у меня есть сахар. Не слишком много, но есть, и я подумала,

¹⁴ До свидания (нем.)

что, может быть, вам захочется чаю. Ой, то есть я имела в виду, что, возможно, вы тоже считаете, что этот дом чересчур большой, и захотите выпить со мной чаю. Пока у меня есть сахар...

— Да! — воскликнула я, прежде чем она закончила.

Ее улыбка стала еще шире.

— Тогда я сейчас! — И она побежала вниз по лестнице.

Я поспешила к себе в спальню, затолкала коробки под кровать, набросила одеяло поверх смятых простыней и ночной рубашки, повесила четки на спинку кровати и поправила изображения Иисуса и Девы Марии на подоконнике. После этого затопила маленькую плиту. Эмилька прибежала, неся с собой чайник, две чашки, чайную заварку и сахар в бумажном пакете; на этот раз, когда стемнело, моя комната показалась мне особенно уютной, ничто в ней не напоминало о кошмарах прошлой ночи.

Эмильке было двадцать три, католичка, как и я, шатенка с веснушчатым носиком, она работала в фотоателье. Девушка была в ужасе от того, во что немцы превратили Перемышль. Когда наконец поезда начнут ходить как следует и она скопит достаточно денег, то вернется к своей семье в Краков. Или, может быть, русские снова придут. Или же война скоро закончится, и все будет как раньше. Но на сегодня мы хозяйки в этом доме, правда? Королевы в царстве пустых комнат. Мы сможем все здесь устроить по своему вкусу, не так ли?

Она притащила снизу матрас и в эту ночь спала у меня в

комнате, и мы уже не боялись тишины, потому что ее не было. Она спросила, есть ли у меня парень. Я ответила утвердительно, но не сказала, что он еврей. Я задала ей тот же вопрос, и она сказала, что у нее несколько ухажеров. Каждую ночь она теперь спала у меня.

Спустя десять дней утром меня разбудил шум. Стук от шагавших в такт по каменной мостовой ног. Я отодвинула штору. Внизу под конвоем вооруженных немецких солдат маршировала колонна выстроенных рядами мужчин, еврейских мужчин. Их головы были опущены, они смотрели себе под ноги, и только один из них смотрел вверх. Его взгляд был устремлен на мое окно.

Макс.

Я сбросила ночную рубашку, накинула платье и босиком помчалась вниз по лестнице. Выскочив из подъезда и пробежав под аркой дома № 7 по улице Мицкевича, я завернула за угол и оказалась у заднего фасада здания. К станции как раз подходил поезд, и мне пришлось пробираться сквозь толпу, стремившуюся попасть на платформу, однако путь к ней оказался перегорожен стоявшими на тротуаре зеваками, глазевшими на шедших мимо них евреев. Я протолкнулась к колонне маршировавших мужчин, улучила момент, когда охранник отвернулся, и пошла рядом с Максом.

– Привет, – произнес он.

– Что происходит? Куда вас ведут?

– Работать, так, по крайней мере, нам сказали. Нам всем

приходится работать.

Я подумала, что за работу им, скорее всего, не платят.

– Как ты? Как вы все? И как твоя мама? И Изя?

Он нахмурился. Это был Макс, но выражение его лица было непривычным для меня. Напряженное. Замкнутое.

– *Mame* хочет, чтобы ты продала какие-нибудь вещи и купила для нас еды. В гетто невозможно ничего купить, и в нашей квартире кроме нас живет еще восемь семей. Мы уже съели все, что принесли с собой.

– Как мне до вас добраться? Я пыталась к вам попасть, но повсюду забор...

– Мы проходим здесь каждое утро. Приходи сюда. Я постараюсь как-нибудь пронести...

– *Halt!*¹⁵

Я вздрогнула от грубого окрика. Меня заметил немецкий охранник и нацелил на меня свой автомат.

– Я просто хотела сказать пару слов своему знакомому, – говорила я, пятясь от продолжавшей движение шеренги, – я уже молчу...

Повернувшись к охраннику спиной, я побежала, боясь, что он выстрелит. К счастью, выстрела не последовало. Поднявшись в квартиру и не обнаружив там Эмильки, я вымыла ноги и задумалась.

Восемь семей в одной квартире. Как они там помещаются? Их там может быть двадцать, тридцать человек. Это как

¹⁵ Стоять! (нем.)

минимум. И у них уже кончилась вся еда, и нет никакой возможности ее купить. Они очень голодны, и, пока Макс не принесет им завтра поесть после работы, у них не будет ни крошки во рту. И потом, каким образом Максудастся пронести с собой продукты в таком количестве? И даже если бы он смог, позволят ли ему? Ведь немцы могут все у него отобрать.

Я начала расчесывать спутанные волосы. Как вообще люди смогут выжить в гетто? Может быть, нацисты планируют заморить голодом всех евреев Перемышля? Я натянула на чистые ноги носки и застегнула туфли.

Возможно, они именно этого и хотят, но я не позволю сделать это с дорогими мне людьми.

Покопавшись в коробке с предназначенными на продажу вещами, я отобрала шелковую блузку, которая давно уже была мала пани Диамант, и пару серебряных подсвечников, не найденных эсэсовцами благодаря тому, что они потемнели и были незаметны в глубине буфета. Почти все утро я провела на рынке и в лавках скупщиков, прицениваясь и отчаянно торгуясь, и вернулась домой с курицей, мешочком муки грубого помола, полкило масла, тремя дюжинами яиц и сдачей, которую я тут же добавила к деньгам, уже спрятанным в печной трубе.

Я сложила в свою сумку яйца, стараясь запихнуть туда как можно больше, а поверх пристроила масло в надежде, что оно не растает, затем, завернув курицу в коричневую бума-

гу и перевязав бечевкой, другой конец веревки привязала к своему запястью. То же самое я проделала с кульком муки. После чего осторожно продела руки в рукава огромного старого пальто пани Диамант. Теперь курица и мука были подвешены у меня под мышками и спрятаны под пальто. Я набила карманы оставшимися яйцами, взяла в руки сумку и сунула в карман носовой платок.

Немцы унесли наше зеркало. Но я и без него знала, что выгляжу нелепо.

Я осторожно спустилась вниз по ступеням, стараясь не скрипеть, чтобы не привлечь внимания Эмильки, если она уже вернулась с работы, затем пересекла газон опустевшего внутреннего двора, прошла через подворотню, завернула за угол и по мостику перешла железнодорожные пути. И наконец оказалась перед гетто с его охраняемыми воротами, но, решив на этот раз держаться от них подальше, я стала двигаться вдоль заграждения, пока не набрела на узкий проулок между двумя зданиями, огороженный рядами колючей проволоки. Я обернулась назад: рядом никого не было. Тогда я приблизилась к ограде. По углам зданий были вкопаны два деревянных столба, к которым во много рядов была примотана колючая проволока. Я обнаружила, что столбы были установлены не слишком тщательно. Достаточно было просто раскачать, а потом выдернуть один из них...

Вытащив из земли столб, я отодвинула в сторону секцию ограды так, что она открылась, как дверь, и пролезла внутрь,

после чего водрузила столб на прежнее место и притоптала туфлями свежую глину. Я была внутри гетто.

Вынув из кармана носовой платок, я попыталась обвязать его вокруг правой руки. Это оказалось труднее, чем я думала, пришлось помогать себе зубами. С колотящимся так, что, казалось, вот-вот выскочит из груди, сердцем я пробралась между двумя зданиями и оказалась на улице.

На ее противоположной стороне на крыльце дома сидели три старика в черных пальто, с пейсами и белыми нарукавными повязками. Они безучастно посмотрели на меня и вновь опустили глаза, бормоча что-то себе под нос. Раздался стук тяжелых ботинок. Сзади ко мне приближался полицейский. Ссутулившись и наклонив голову (так, кажется, ходили здесь все), я перешла на другую сторону. Полицейский перебросил автомат из одной руки в другую и прошел мимо. Я подняла голову, глядя на его удалявшуюся фигуру, и улыбнулась.

Я больше не боялась.

Что, конечно, лишь демонстрировало, как глупа я еще была тогда.

– Семья Диамант? – обратилась я к старикам шепотом. – Исаак Диамант и Лия, его жена? И четверо сыновей...

– *Gey avek*, – произнес один из них.

Мне велели убираться прочь.

– Уходи, девушка, откуда пришла, пока тебя не убили! – прошептал другой, на этот раз по-польски. Они отвернулись

от меня, и я пошла дальше по улице.

Люди группками стояли возле дверей домов, дети играли на тротуарах и в водосточных канавах. Это было похоже на праздничный день, когда фабрики не работают, только радости не чувствовалось. И, если мимо проходил полицейский, люди прятались по углам, исчезая, как тени на солнце. Моя импровизированная нарукавная повязка могла сойти за настоящую только при беглом взгляде, не говоря уже о моем странно массивном силуэте в бесформенном пальто. Я снова и снова спрашивала у людей, как мне найти Диамантов, пока наконец какая-то женщина не прошептала:

— Реймонта, дом два.

Я отыскала улицу и дом, ничем не отличавшийся от других, довольно маленький, всего в два этажа, и толкнула дверь.

Коридор был набит людьми. Они сидели и стояли по углам, на ступеньках, пригибались под натянутыми между дверей веревками с сохнувшим на них бельем. Орали младенцы, с визгом бегали вокруг дети, воняло переполненной уборной. Я прошла мимо сидевшей на ступеньках маленькой девочки, шлепавшей совсем крошечного ребенка и требовавшей, чтобы он перестал плакать, отчего, конечно, он ревел еще громче. Я остановилась, готовая взять ребенка на руки, чтобы отыскать его мать, но девочка сердито посмотрела мне в глаза и вцепилась в малыша, готовая драться за него. И внезапно мне все стало ясно. Ребенок плакал от голода. И

маленькая девочка тоже была голодная, возможно, она голодала еще до того, как попала в гетто. Все дети здесь голодали, а на мне было пальто, набитое едой.

Нестерпимый стыд пронзил меня. Я должна была их накормить. Я так хотела их всех накормить. Но как я могла это сделать? Я отошла от детей и стала медленно подниматься по ступеням, стараясь сосредоточить все внимание на поисках двери в квартиру Диамантов. Наконец я отыскала ее, постучала, и мне открыл незнакомец. Мужчина с окладистой бородой и грубым голосом.

– Что вам надо?

– Я ищу...

– Фуся!

Мне навстречу по коридору спешила моя *babcia* со свисавшими вдоль щек космами седых волос. Она прижала меня к своей мягкой груди. Я выдохнула, успокаиваясь. Но она оттолкнула меня от себя.

– Что ты здесь делаешь?

Я заморгала.

– Зачем ты сюда пришла?

– Но вы сказали, чтобы я...

– Но не так! Ты понимаешь, насколько это опасно? Ты...

Я приоткрыла полы пальто, совсем чуть-чуть, но она успела увидеть курицу.

Пани Диамант схватила меня за руку, втащила в квартиру и, захлопнув за нами дверь, торопливо провела меня

сквозь прихожую в комнату, которая, возможно, служила в прошлом столовой, а теперь в ней размещалось все семейство Диамант. Пан Диамант лежал на полу с подложенным под спину свернутым в валик одеялом. Он протянул ко мне обе руки, взял в них мои руки и поцеловал, но тут пани Диамант стала стаскивать с меня пальто.

– Осторожно, тут яйца, – прошептала я, но сразу же замолчала. Она сердито бормотала, мешая польский и идиш, разматывая шпагат на моих запястьях и бросая опасливые взгляды в сторону коридора, как будто боясь, что кто-нибудь войдет и отберет у нее еду.

Может быть, так бы оно и случилось.

– Глупая девчонка, – повторяла она еле слышно. – Глупая, безрассудная девчонка...

– Но вы сами сказали, чтобы я пришла!

– Я сказала, чтобы ты отдала еду Максу, а не изображала из себя мишень для стрельбы.

Она кружила по комнате с пакетом муки, в конце концов засунув его под спину пана Диаманта.

– Тебе что, жизнь не дорога? Что я буду делать, если тебя здесь застрелят?

Мне стало стыдно. Наверное, я и вправду поступила опрометчиво. Если меня убьют, они, возможно, погибнут от голода. Я виновато открыла сумку, и пани Диамант уставилась на потерявшее форму масло и яйца. Ее лицо сморщилось, она взяла мою голову в ладони и расцеловала меня в щеки.

– Ты хорошая девочка, *ketzele*, – шептала она. – Но ты не понимаешь. Да и как ты можешь это понять, когда я сама не понимаю? Но сейчас слушай меня внимательно. – Держа в ладонях мое лицо, она пристально смотрела мне в глаза. – Они могут тебя убить. И они сделают это с удовольствием. Не давай им такой возможности.

– Фуся!

Я взглянула через ее плечо и увидела входящего в комнату Хенека. С ним была девушка, и он улыбался. Я не сразу поняла, чему надо больше удивляться: тому, что он улыбается, находясь в гетто, или тому, что он улыбается мне.

– Люди на улице сказали, что нас кто-то разыскивает. Это была ты? Тебе надо быть осторожней. Ты принесла...

– Тихо, Хенек! – прервала его пани Диамант. Она погладила меня по волосам и отодвинулась. – Фусе надо идти.

Из-за плеча Хенека выглядывала его девушка. В обрамлении темных локонов ее лицо казалось особенно бледным, и я не знала, было ли оно таким от природы или же от жизни в гетто.

– Я много о вас слышала, – произнесла она нежным голосом. – Вы член семьи, но не еврейка, правда?

Мои брови поползли вверх.

– Это девушка Хенека, Данута, – быстро сказала пани Диамант. Девушка протянула мне руку, и я пожала ее. С каких это пор у Хенека появилась девушка? Пани Диамант стала нахлобучивать на меня пальто.

– А где Изя? – спросила я.

– На работах, – ответила она. – По крайней мере, он получит суп.

– Можно мне подождать? Я...

– Ты не слышала, что я тебе сказала? Нет!

Она положила руку мне на плечо, я помахала им на прощанье, и пани Диамант стала подталкивать меня к выходу. Мы остановились возле двери.

– Что еще вам нужно? – спросила я.

Она на секунду задумалась.

– Мыло. И каждый день немного еды. Давай Максу не больше того, что он сможет унести, хорошо?

Я кивнула.

– И больше никогда сюда не приходи. Ты меня поняла?

Я снова кивнула. Она поправила импровизированную повязку у меня на рукаве и поцеловала меня в лоб. Как это делала мама, когда мне было два года.

– *Sholem aleikhem*¹⁶, – сказала она, и мне показалось, что она сейчас заплачет. – Теперь поскорее уходи. Будь умной, осмотрительной и постарайся выжить. Обещаешь?

Я пообещала и пошла прочь, пробираясь между плакавшими детьми. Спускалась по лестнице, и каждый следующий шаг давался со все большим трудом, как будто на плечах у меня лежал тяжелый груз. Этим грузом был страх. Я боялась.

¹⁶ Да пребудет с вами мир.

Боялась, что больше никогда их не увижу.

6. Июнь 1942

По пути из гетто я видела, как до смерти забили прикладом девочку. Не знаю, сколько лет ей было, совершила ли она какой-нибудь проступок или же ни в чем не была виновата. Но эсэсовец убивал ее с улыбкой на лице, а затем ушел, оставив на тротуаре лежавшее в луже крови безжизненное тело. Чувствуя свою полную беспомощность, я, выйдя из тени, дошла до проулка между зданиями и, дождавшись подходящего момента, выбралась из-за ограды тем же способом, каким попала внутрь. Я бежала домой, и меня колотила дрожь.

В ту ночь я впервые до конца осознала и свела воедино происходящие вокруг меня события. Раньше мне казалось, что все ужасные вещи, творившиеся вокруг, были какой-то ошибкой. Идеи заблуждающегося вождя, который, в свою очередь, внушил их своей армии и народу. Ведь всегда на свете были бедные и голодные. Так же как и люди, которых ненавидели и презирали. И с незапамятных времен случались войны, в которых сражались между собой молодые мужчины и гибли ни в чем не повинные люди. Как это ни ужасно, так был устроен мир. Но в лице того эсэсовца я увидела нечто иное – звериную радость и ненависть. Наслаждение, которое он испытывал, причиняя боль и убивая другое человеческое существо.

Я видела зло в его концентрированном виде.

И все мое существо восставало против него.

Так начался третий этап моего образования.

Мы увидели, что на обратном пути в гетто рабочих обыскивают, и, если находят еду, отбирают. Тогда я стала каждое утро встречать Макса, когда их вели на разгрузку угля, не для того, чтобы передать ему еду, а чтобы подать знак. Я делала это так часто, что охранник начал меня узнавать; качая головой, он следил за мной, пока я не уходила. Я посылала ему воздушный поцелуй. В тот же вечер Макс из-за забора привлекал мое внимание, насвистывая, покашливая, чихая или напевая, давая мне таким образом знать, что поблизости нет полиции. Тогда я передавала ему еду в том месте, где ее можно было просунуть через заграждение. Это было опасно, но все же не настолько, как попытка для меня, не еврейки, проникнуть в гетто. Кроме того, это значило, что я не нарушаю слово, данное мною пани Диамант. Или, во всяком случае, не нарушаю его слишком сильно.

Принесенного мной было недостаточно, я видела это по усиливавшейся худобе Макса. Но все же это было лучше, чем ничего.

Эмилька по-прежнему приходила спать ко мне в комнату, но по рабочим дням она часто допоздна задерживалась в фотоателье, проявляя пленки, и иногда прибегала домой за несколько минут до начала комендантского часа. Поэтому я удивилась, услышав в один из дней ее стук в дверь задолго до темноты. Открыла дверь, но за ней не было Эмильки. Это

был Изя.

Не знаю, как он попал в дом. Я не стала спрашивать. И он ничего не сказал, даже не поздоровался. Только молча обнял меня. Он был как столб в ограждении гетто: такой же сухой, жесткий; и я так же легко притянула его к себе и закрыла за ним дверь.

Солнце село, и наступил вечер, но я долго не зажигала свет. Масляная лампа обходилась дешевле электрического освещения; отсветы ее пламени плясали в темноте. Я была счастлива. Так счастлива! Отодвинув волосы с моего лица, Изя покрывал мой лоб и щеки поцелуями.

– Ты знаешь, что я тебя люблю? – спросил он.

Я молча кивнула. Я это знала.

Все еще прижимая меня к себе, он повернулся на бок и подпер голову рукой.

– Я пришел сказать, что немцы увозят тысячу наших молодых мужчин в трудовой лагерь.

– Куда?

– Думаю, во Львов. Не знаю, по каким критериям они отбирали, но Макс попал в этот список.

У меня сжалось сердце. Люди исчезали во Львове. Совсем как их сестра.

– Работа на перегрузке угля очень тяжелая. Люди падают, не выпуская лопат из рук, Макс и так ослаблен из-за недоедания, а тем более для такой работы. Думаю, в лагере будет еще хуже.

Он переплел свои пальцы с моими, и его лицо исказила гримаса. Он закрыл глаза.

— Нам не выжить, Фуся.

Я нахмурилась.

— Конечно, мы выживем. Что-нибудь произойдет...

— Ты имеешь в виду, русские придут? Надолго ли нам это помогло в прошлый раз? Евреям не помогло.

Мне хотелось сказать, что Германия будет побеждена, война закончится и все станет как раньше. Но не было уверенности, что это правда.

Нет, я знала, что это не так. Даже тогда. Ничто и никогда уже не будет как прежде.

— Я хочу, чтобы ты знала, — сказал Изя, — я хочу выжить, хочу, чтобы это был я. И чтобы ты выжила. Хочу больше всего на свете. Не забудь этого.

Я не знала, почему он так сказал. Даже не задумалась об этом. Была ослеплена любовью. Я поняла это на следующий день, когда увидела Макса, шагавшего в колонне других мужчин в сторону угольного склада. Послала воздушный поцелуй охраннику, смотревшему в противоположную сторону, и поравнялась с шеренгой, стараясь идти с ней в ногу. У Макса был ужасный вид, под глазами лежали глубокие фиолетовые тени. Он сказал, что не едет в трудовой лагерь во Львов.

Потому что Изя поменялся с ним местами.

На следующее утро я отправилась в городскую ратушу, ожидая увидеть там немца в очках с металлической оправой. Однако на этот раз там оказался другой мужчина, правда, в точно таких же очках. Внешне он напоминал хорька, таскавшего наших кур на ферме.

Я спросила, как узнать, в какой трудовой лагерь отправили того или иного человека, и он нахмурился. Поляки из Перемышля отправлялись в Германию и в бывшую Чехословакию исполнять свой долг во имя процветания Отечества, а грязные евреи из этого города должны были оправдывать свое содержание, работая в Белжеце или в Яновском трудовом лагере во Львове, объяснил он.

Значит, Яновский.

Мне хотелось плюнуть немцу в лицо, но вместо этого я его вежливо поблагодарила. Вернувшись домой, обнаружила плакат, наклеенный на стену перед входом в подъезд.

ОКАЗАНИЕ КАКОЙ БЫ ТО НИ БЫЛО ПОМОЩИ
ЕВРЕЯМ КАРАЕТСЯ СМЕРТНОЙ КАЗНЬЮ

УКРЫВАТЕЛЬСТВО ЕВРЕЕВ КАРАЕТСЯ
СМЕРТНОЙ КАЗНЬЮ

ПЕРЕДАЧА ПРОДУКТОВ ЕВРЕЯМ КАРАЕТСЯ
СМЕРТНОЙ КАЗНЬЮ

ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ЕВРЕЯМ ТРАНСПОРТА
КАРАЕТСЯ СМЕРТНОЙ КАЗНЬЮ

ПОЛУЧЕНИЕ С ЕВРЕЕВ ПЛАТЫ В ВИДЕ ДЕНЕГ, УСЛУГ ИЛИ ЦЕННОСТЕЙ КАРАЕТСЯ СМЕРТНОЙ КАЗНЬЮ

Трижды перечитала плакат. Я нарушила бо́льшую часть перечисленных правил. Некоторые из них – прямо сегодня. А сейчас мне нужен был билет на поезд, и у меня на него не хватало денег.

Неделю я питалась одним хлебом и, не имея другого выхода, продала юбку из коробки пани Диамант. В ней уже почти ничего не оставалось, но я должна была убедиться, что с Изей все в порядке. Что он не слишком ослаб. Что он жив. И вся его семья хотела об этом узнать.

Было раннее утро, солнце еще только начинало подниматься над крышами домов. Понаблюдав некоторое время, как я, не притрагиваясь к чаю, грызу ногти, Эмилька в конце концов потеряла терпение.

– Ну что ты сходишь с ума? Ты что, с парнем своим поссорила?

– Нет, дело не в этом, – ответила я. От человека в очках я узнала, что в Яновской содержались еще и политические заключенные, а также поляки, цыгане и даже некоторое количество украинцев. Люди отовсюду. Эмильке необязательно знать, что Изя еврей.

– Его отправили в трудовой лагерь во Львове. Я хочу поехать повидать его, но билет на поезд стоит дорого. И потом, даже если накоплю денег, мне его не продадут. У меня нет

немецких документов.

– Ну так поменяй свои польские на немецкие.

– Я пыталась, но им требуются свидетельство о рождении и новая фотография.

– Ну и? – нетерпеливо спросила Эмилька.

– У меня нет свидетельства о рождении, нет денег на фотографию. По крайней мере, пока. Я две недели копила деньги на билет...

– Поэтому ты ничего и не ела? Боже мой, Фуся...

Я поморщилась при упоминании Бога и собственного имени. Я не давала ей разрешения называть меня Фусей. Но Эмилька была человеком действия и не обращала внимания на такие мелочи.

– Прекрати кукситься и одевайся, – сказала она. – У нас есть дела.

Я подумала, что она предлагает заняться стиркой, но она повязала голову шарфиком. Эмилька подождала, пока я оденусь, и, оставив позади гору нестираного белья, мы вышли с ней на залитую ярким солнцем улицу.

Я с трудом поспевала за ней. Она вежливо, хотя все же не очень приветливо кивнула двум немецким солдатам, остановившимся покурить около груды кирпичей, и, не сбавляя шага, помчалась дальше с таким видом, как будто немецкой армии лучше во избежание неприятностей не вмешиваться в наши срочные дела. Солдаты не стали нас останавливать. Мы прошли мимо треснувшей витрины с намалеванной на

ней желтой звездой – того, что когда-то было магазином Дамантов, и вдруг я замерла от плывшего в небе перезвона соборных колоколов. Оказывается, сегодня воскресенье.

Эмилька остановилась перед входом в фотоателье, потом, воровато оглядевшись по сторонам, достала из кармана ключи и, прежде чем я сообразила, что происходит, втащила меня внутрь, захлопнула за собой дверь и заперла ее изнутри. В помещении было темно из-за глухих штор на окнах, но я все же разглядела лежавшие на полках уже окантованные портреты, коробки с пленкой и детали фотоаппарата. Эмилька отодвинула занавеску, за которой открылась задняя комната фотоателье.

– Давай поторапливайся, – говорила она, устанавливая фотоаппарат на треногу. – Садись сюда.

На фоне задника с серыми разводами стоял стул.

– Но...

– Садись! – приказала она. – Мне надо видеть, куда направить свет.

– Но...

Она щелкнула выключателем, и я ослепла от яркого света.

– Садись! – повторила Эмилька.

– Но мне нечем тебе заплатить!

Эмилька подняла голову из-за фотоаппарата.

– Вот дурочка, как будто я этого не знаю. Поэтому мы и пришли сюда в воскресенье! Ты хочешь увидаться со своим парнем или нет? Садись!

Я села. Эмилька нацелила фотоаппарат, распорядилась, как держать голову и куда смотреть, дважды щелкнула затвором и выключила прожектор.

– Думаю, все получится, – сказала она, подталкивая меня к выходу. – Пан Марковский не обратит внимания на два лишних кадра, а как только фотографии будут готовы, я их утащу.

Соседка заперла дверь, опустила ключи в карман своего фартука и улыбнулась.

– Спасибо, – поблагодарила я ее.

Эмилька взяла меня под руку, и мы пошли по тротуару.

В тот день я научилась у нее трем ценным правилам. Во-первых, всем своим видом и походкой показывай, что спешишь по каким-то важным делам, и большинство людей будет думать, что так оно и есть. Во-вторых, никогда не забывай завивать волосы. И, в-третьих, помощь может прийти откуда не ждешь, и об этом всегда нужно помнить. Ведь это означает, что ты никогда не бываешь совершенно одинокой.

Даже если тебе так кажется.

Во вторник я уже снова сидела перед маленьким немцем в очках в металлической оправе. На этот раз он был без фуражки, и на его макушке сверкала лысина.

– Назовите дату вашего рождения, *Fräulein*¹⁷.

Я назвала выдуманную дату рождения с годом, подтверждавшим, что мне уже шестнадцать. Была почти уверена,

¹⁷ Барышня, молодая леди, девушка (нем.)

что год верный. Человечек продолжал сверлить меня взглядом.

– Свидетельство о рождении?

– Аффидавит, – ответила я, передавая ему лист бумаги с утверждением, что Эмилька – моя кузина, в чем она готова поклясться перед кем угодно.

Он снова внимательно посмотрел на меня, на аффидавит, на мою фотографию, затем на Эмильку, стоявшую позади моего стула.

– Это ваша подпись, *Fräulein*?

– Конечно, – ответила она с ленивой улыбкой.

Спустя два часа я уже сидела в поезде на Львов.

Еще четыре часа у меня ушло на то, чтобы добраться до места, и, когда я наконец отыскала лагерь в самом центре города, к которому вела одна из небольших улочек, было уже начало восьмого. На горке сбоку стояла фабрика, на площадке внизу располагались выстроенные квадратом хлипкие постройки, и вся территория лагеря была по периметру обнесена оградой из колючей проволоки. Больше ничего нельзя было разглядеть. Подойдя к единственному зданию с дверью, я вошла внутрь.

Мне пришлось встать в очередь. Кто были люди, среди которых я оказалась, пытались ли они найти своих родных или друзей, как я, или у них были какие-то дела с немцами, я не знала. И не хотела этого знать. Женщина впереди меня долго вполголоса разговаривала с сидевшим за письменным

столом человеком. Она внезапно закончила разговор и вышла, и я на мгновение увидела ее лицо. Кого бы она ни искала, будь это ее друг, брат, сестра, один из родителей или ребенок, их не было здесь. Или уже не было здесь.

А может быть, их уже не было среди живых.

Внезапно мне стало очень страшно. Еле передвигая как будто налитые свинцом ноги, я приблизилась к столу. Сидевший за ним человек посмотрел на меня сквозь очки в металлической оправе. По-видимому, в Германии продавались очки только такого фасона.

– *Nein*¹⁸, – сказал человек.

Я даже не успела ни о чем его спросить.

– *Nein, nein, nein!* – вопил он на всю комнату, мешая немецкие и польские слова. – Никаких посетителей. Вы не имеете права приносить еду, и я не буду сообщать вам имена заключенных в этом лагере!

Он встал с заскрипевшего стула и стал запихивать бумаги в папку.

– *Heil Hitler!*¹⁹ – произнес он и покинул помещение.

Люди в очереди молча обменялись взглядами и понуро потянулись на улицу. У меня оставалось два часа до обратного поезда, а немецкие поезда, как я уже успела заметить, всегда следуют точно по расписанию. Я слышала голоса людей, работавших где-то на площадке за стенами окружавших

¹⁸ Нет (*нем.*)

¹⁹ Да здравствует Гитлер! (*нем.*)

ее зданий. Крики, стоны, шум работавших механизмов и, каким бы это ни казалось нелепым, звуки игравшего внутри оркестра. Летнее солнце все еще пекло довольно сильно, и бо́льшая часть людей из очереди переместилась в отбрасываемую зданием тень.

Я внезапно почувствовала, что мой страх прошел. Я была в ярости. Я лгала нацистам не просто так. И за железнодорожный билет было заплачено едой, которая не дошла до Диамантов.

Из конторы вышел охранник и встал возле дверей. Я оглядела его мундир. Не эсэсовец. Вид у него был запыленный и несколько помятый, автомат неуклюже висел на плече. Он выглядел почти так же уныло, как мы все.

Если я буду бояться, то ничего не добьюсь. Я это знала. И злость также мне не поможет. Я стерла страх и ярость с лица и бочком подвинулась к охраннику. Прежде чем посмотреть на меня, он стрельнул глазами вправо, потом влево.

– Они поставили вас охранять вход. Не повезло вам, – сказала я.

– Это еще не самая плохая работа, – ответил охранник.

Я была довольна, что он хорошо говорит по-польски, пусть и с немецким акцентом. Я улыбнулась.

– Как лучше всего попасть в лагерь?

– Никак, – ответил он. – Вряд ли вам там понравится. Я бы не позволил своей девушке подходить к этому лагерю ближе, чем на десять километров.

– Но... тут внутри находится один человек, друг...

Я увидела, что лицо его стало каменным. Я опустила глаза.

– У его жены, это моя сестра, только что родился ребенок.

Маленький мальчик...

Я вдохновенно врала, слова сами слетали у меня с языка.

– И я только хочу сообщить ему, что он теперь отец. Что его жена и сын в порядке. Неужели это так сложно? И потом, подумайте, – продолжала я, – мужчина, узнавший, что он стал отцом, будет лучше работать, будет послушно выполнять все правила, надеясь, что однажды он сможет вернуться к жене и сыну. Ведь это так важно, когда есть цель, не правда ли? И потом, посмотрите, – я выудила из сумки небольшой сверток, бутерброд с сыром, который взяла с собой в дорогу; на оберточной бумаге уже начали расплываться масляные пятна. – У меня для вас тут есть кое-что вкусненькое.

У охранника дрогнули губы. Я улыбнулась еще шире. Мне показалось, что он покраснел.

– Как зовут мужа вашей сестры? – спросил он, понизив голос.

– Изидор Диамант.

– Я вам его приведу. Но вы будете должны мне кое-что взамен. И это не еда.

Внутри у меня все сжалось.

– Один поцелуй, – сказал он. – В щеку.

Я ощущала на себе взгляды стоявших в тени людей, они как пули, казалось, прожигали мою спину. Сохраняя на ли-

це улыбку, я поднялась на цыпочки и поцеловала нациста в щеку.

Он улыбнулся.

– Пойдемте со мной.

Охранник провел меня внутрь через опустевшую контуру и через другую дверь позади стола; за ней находилась полупустая комната, единственной мебелью в которой были стол и пара стульев. В противоположной стене была еще одна дверь. В комнате пахло потом и сигаретным дымом.

– Обождите здесь, – сказал охранник и запер за собой дверь.

Я осталась стоять в одиночестве посреди комнаты, думая о том, что пани Диамант была права, назвав меня глупой девочкой. И о том, какой я была наивной. У этих людей нет ни совести, ни сострадания. Это хищники, и я только что сама предложила им себя в качестве жертвы. Мама отшлепала бы меня за такое безрассудство, и, наверное, пани Диамант сделала бы то же самое.

Я попробовала обе двери, они оказались запертыми, и в комнате не было окон. Зато половицы были прибиты кое-как, гвозди во многих местах прошли мимо балок. Может быть, я сумею спрятаться под полом? Правда, поверх меня окажется доска с гвоздями. Я попыталась просунуть пальцы под доску, но в это время в замке повернулся ключ. Дверь распахнулась, и в комнату, волоча ноги, зашел незнакомец в висящей на нем серой одежде.

– Десять минут, – сказал охранник, просунув голову в дверь, после чего запер ее за собой. Незнакомец попытался подойти ко мне ближе, что оказалось нелегко. На щиколотках у него была цепь.

– Фуся, – произнес он, и я узнала его. Это был Изя. Я бросилась к нему и обвила руками его шею.

Он был обрит наголо и весь покрыт пылью и грязью. Кажалось, от него остался один скелет. Всего за четыре недели он постарел лет на тридцать, и я не могла себе представить, что от человеческого существа может исходить такой ужасный запах. И все-таки это был Изя.

– Фуся, – повторил он и отодвинулся, чтобы посмотреть на меня, – этот человек сказал, что я... стал отцом...

Я понимала его удивление, новость противоречила всем законам физиологии. Объяснив свою выдумку, я дала ему поесть. Мы присели на стулья, и я смотрела, с какой жадностью он проглотил мой бутерброд. Во всей его фигуре чувствовались напряжение, тревога. У него дрожали руки.

– У тебя нет с собой воды? – спросил Изя. У меня не было. Потом он прошептал: – Вытащи меня отсюда.

Я открыла рот и тут же закрыла. Он взял мои руки в свои.

– Ты должна вытащить меня отсюда! Я не могу здесь оставаться... Они меня убьют. Нас всех. Каждого из нас. Понимаешь?

Я не понимала. Он прикрыл глаза. Истончившаяся кожа обтягивала его череп.

– Вытащи меня отсюда, Фуся. Пожалуйста. Пожалуйста.

Что-то внутри меня сломалось. Думаю, это разбилось мое сердце. Но разбитые сердца не помогают нам выжить, тут нужна воля.

– Скажи, что мне сделать, – сказала я.

Обратная дорога до Перемышля была намного короче, чем путь во Львов. По крайней мере, так мне показалось. Я все время думала.

– Они собираются убить всех евреев, – говорил Изя, – и всех коммунистов, цыган. Но прежде всего, евреев.

«Убить нас, убить нас, убить нас», – пыхтел паровоз. Я закрыла глаза и старалась не слушать.

– Они знают, что ты все равно умрешь, и забавляются. Играть с тобой, как с игрушкой. Бьют и морят голодом. Унижают. Пытают. Они расстреливают людей в лесу, а потом измельчают их кости, чтобы их нельзя было найти. У них есть оркестр, в нем играют одни заключенные, и они заставляют их сочинять специальные песни для каждой казни, для каждого избиения...

«Убить нас», – лязгали колеса на стыках.

– Это не что-то случайное. У них есть план. Это то, чего они хотят...

Как тот эсэсовец в гетто.

Изя рассказал, что охрана часто выполняла свои обязанности спустя рукава. Что на ночь с заключенных снимали це-

пи. И что если он сбежит вечером после работы, его, скорее всего, не хватятся до вечерней раздачи баланды. Ему нужны чистая одежда, мыло, туфли и очки. Билет на поезд. Я могла бы пройти к нему так же, как сегодня. Спрятать одежду под кустом рядом с офицерской уборной и выйти с ним из лагеря, когда он переоденется, а потом вместе с ним дожждаться поезда на платформе. Никто не обратит на него внимания, поскольку на нем не будет лагерной одежды, тем более что он будет со мной. Мы сможем спрятаться в Перемышле, а потом, может быть, даже сумеем добраться до России.

– Помоги мне, Фуся, – говорил он, и по лицу его текли слезы.

Я распродала все, что у меня оставалось: что еще можно было сделать? Я покупала вещи у скупщика и продавала их другому скупщику, если он давал мне на несколько монет больше. Экономила на всем и копила деньги. Остававшиеся два платья свисали с меня как с вешалки. Я встречалась с Максом возле ограды и передавала продукты для Диамантов. Меньше, чем прежде, но все же мне удавалось их подкармливать.

Я сказала Максу, что видела Изю. Что он жив и работает. Но не стала рассказывать о его состоянии.

И ничего не сказала Максу о нашем плане.

В день, о котором мы условились с Изей, я купила билет на поезд, спрятав под мышками по мужской туфле, надела поверх пальто, слишком теплое для жаркого июльского дня, засунула себе под платье мужскую рубашку, а кепку, брюки и слегка погнутые очки, найденные мною на улице, запаковала в маленький сверток, стараясь, чтобы он выглядел как взятая в дорогу еда.

Мокрая от пота, я сидела в трясущемся, болтающемся из стороны в сторону вагоне. Затем мне пришлось зайти в уборную с дыркой посреди пола, где меня вырвало выпитым за завтраком чаем. После этого мне стало немного легче, я вернулась на свое место и опустила оконное стекло, чувствуя на лице прохладный воздух и мечтая о том, что будет, когда весь этот ужас прекратится. Война закончится. Изя выпустится из медицинской школы и получит работу в больнице. У нас будет новая квартира с кремовыми коврами, которые никогда не будут пачкаться, и с современными обоями без цветочков. Двое детей в красивых кофточках и лентах и с датами рождения в письменном виде.

Мои нервы были натянуты как струны.

А потом ветер перестал холодить мне лицо. Вагонное сиденье уже не ходило из стороны в сторону, и колеса перестали стучать и замерли. Я высунулась из окна и вытянула шею.

Далеко впереди танки с торчавшими из башен пушками пересекали железнодорожные пути, рядом с ними двигались армейские машины со свастиками. А позади них, шеренга за шеренгой, маршировали солдаты.

Люди в вагоне молчали. Не о чем было говорить. Мы просто сидели, ожидая, пока пройдут немецкие войска.

Мы ждали пять часов.

Наконец вагоны качнулись, и поезд медленно пополз вперед. По вагону пронесся вздох облегчения. Мы проехали минут двадцать и снова остановились. На три с половиной часа.

И когда в конце концов я добралась до Львова, в небе стояла луна, и лагерь был закрыт. Я пропустила встречу с Изей.

7. Июль 1942

Я нашла женщину, которая согласилась пустить меня на ночь, хотя из-за этого у меня не осталось денег, чтобы завтра купить себе еду.

Я надеялась, что Изя не стал меня ждать. Когда он не увидел меня позади уборных, он наверняка понял, что я не приду сегодня и что исполнение нашего плана откладывается.

Женщина позволила мне оставаться в комнате только до полудня. Поскольку денег на обед у меня не было, я надела свое теплое пальто и до вечера бродила по Львову, пока для заключенных не настало время возвращаться обратно в Яновский после работы. Шеренги ссутулившихся, истощенных людей заходили в лагерные ворота, и я заняла позицию возле уборных, повязав волосы ярко-красным шарфиком. Я ждала. Я не увидела Изю, но его не так-то просто было отыскать в толпе мужчин в одинаковой серой одежде с одинаково бритыми головами. А меня заметить было очень просто. Даже в сумерках моя фигура бросалась в глаза.

Я ждала.

И ждала.

Летом темнеет поздно, и тем не менее темнота уже наступила. Если Изя не появится в ближайшее время, мы опоздаем на последний поезд. А если он совсем не придет, мне предстоит ночевать где-нибудь в поле, а назавтра повторить

все заново. Охранник возле дверей в контору сменился. И вдруг я услышала «тсс».

Я огляделась. Новый охранник жестом подозвал меня к себе. Пока я медленно приближалась к нему, он пристально смотрел на меня из темноты. Это был немецкий солдат, которого я раньше поцеловала в щеку. Он помотал головой.

– А, это ты, – произнес он, его голос звучал неприятливо. – Я так и подумал, что это ты. Ждешь «мужа сестры»?

Я не ответила. В его интонации было что-то пугающее. Он говорил заплетающимся языком, как пьяный, хотя мне казалось, что он все-таки трезв. Выражение его лица было странным.

– Я знал, что мне не следовало тебя пускать. Я никогда не должен был... – Он произнес несколько слов по-немецки и плюнул мне под ноги, и, хотя я не понимала языка, было ясно, что он сказал что-то ужасное.

Я посмотрела ему в лицо.

– За что вы сердитесь на меня?

– Потому что из-за тебя его убили, понятно тебе, *liebchen*²⁰? Потому что одна из офицерских жен пошла в уборную, а он принял ее за тебя. Только это была не ты. У вас с ним был план побега, но ты не пришла. И все это правда, не так ли?

У меня начало шуметь в голове. Глухой грохочущий гул. Он не давал мне сосредоточиться. Голос охранника доносил-

²⁰ Дорогая, дорогуша (нем.)

ся как будто издалека.

— Именно это он нам в конце концов и рассказал. Правда, перед концом он сознался бы в чем угодно. Мне никогда не следовало... — Его лицо исказила гримаса, он снова сплюнул и пробормотал: — Чертов оркестр.

— Вы мне лжете.

Охранник засмеялся.

— Ты, полька, говоришь мне, что я лгун? Я вырос в Польше и знаю, что все поляки — лжецы.

Он внезапно шагнул ко мне, схватил меня за волосы и притянул к себе мое лицо. Он стал шептать мне в ухо, перечисляя все чудовищные вещи, которые они проделывали с Изей. Я мотала головой и кричала, что все это неправда, но он не останавливался. А потом он с силой отпихнул меня от себя, я чуть не упала.

— Убирайся, — сказал он, — пока я не вызвал коменданта.

Я стояла, задыхаясь, не в силах сдвинуться с места.

Умер. Умер. Изи больше нет в живых.

— Проваливай! — заорал охранник.

Я попятилась, а потом, не помня себя, побежала в поле, начинавшееся за лагерной оградой. Шум у меня в голове был похож на гул самолета на бреющем полете. Он окружал меня со всех сторон. Я не могла слышать. Не могла думать. Почти ничего не видела. Пошатываясь, цепляясь ногами за неровности на земле, я вытащила Изины туфли из своего пальто и один за другим бросила их в разные стороны. Потом с воем

швырнула в темноту сверток с кепкой и очками. Споткнувшись о что-то твердое и больно ушибив ногу, села на камень, и тут ко мне пришли слезы.

Рыдания душили, я вскрикивала так пронзительно, что, наверное, было слышно на всей улице, а может быть, и в лагере.

Он так хотел жить. Пытался выжить, но они лишили его жизни. Нацисты убили его. Они его мучили.

Я как будто горела в огне; казалось, гигантская рука, сжав в кулаке мои внутренности, скручивает их, не давая вздохнуть.

Кто-то подергал меня за рукав, и я увидела перед собой женщину. В темноте за ее спиной вырисовывались силуэты еще четырех или пяти человек. Один из них посветил на меня фонариком, и я увидела свои испачканные глиной туфли, смятое платье и мокрое пальто, валявшееся на покрытой росой траве.

– Ты нездорова, детка? – спросила женщина.

Я вытянула руку и, пытаясь сохранить равновесие, ухватилась за холодный камень, на котором сидела. Он был плоский и гладкий, и теперь при свете фонарика я разглядела высеченную на нем надпись. Это были не камни. Я сидела на сваленных в кучу старых надгробиях. Оглянувшись, я увидела мягкую, в комьях землю. Я находилась на кладбище.

Может быть, и Изя был где-то здесь.

– Ты, наверное, голодная.

Я снова сосредоточила внимание на женщине, она протягивала мне печенье. Я взяла его и съела, как ребенок. Да она, наверное, и принимала меня за ребенка.

– Ты потеряла кого-то из близких? – спросил другой голос.

Я кивнула.

– Бедная девочка. Можно мы проводим тебя до дому?

От их доброты мне стало больно почти как от жестокости, ведь никто не был милосердным к Изе.

– На станцию, – прошептала я.

Они укутали меня и отвезли на станцию на тележке, убедившись, прежде чем уйти, что у меня есть билет, и сунув мне в руки целую упаковку подсоленных крекеров. Я не знаю, сколько их было. Даже не помню, как они выглядели.

Я попала в Перемышль уже после начала комендантского часа, но мне все равно надо было идти домой. В пустую могилу, которой стала теперь моя квартира. По дороге мне не попалось ни одного полицейского, ни одного немецкого патруля. Эмилька оставила для меня записку. Она уехала в Краков навестить свою мать. Я выпила воды и легла на кровать. Неужели прошло так много времени с тех пор, как он приходил сюда?

Да. Потому что это было в другом мире.

Я встала с восходом солнца и, найдя бумагу и ручку, села писать письмо Диамантам. Я написала, что Изю убили в лагере. Что он умер быстро, его застрелили. Что его похорони-

ли во Львове и, может быть, после войны они смогут прийти на его могилу.

Одна сплошная ложь.

За исключением того, что он действительно мертв.

Я отдала письмо нашему почтальону пану Дорлиху. Он вежливо приподнял фуражку. Он был еврей, но ему все еще разрешалось разносить почту, при условии, что после работы он будет возвращаться в гетто. Эсэсовец ожидал его возле ворот. Я проводила взглядом лошадь с повозкой, в которой лежало мое письмо, и приладила на спину рюкзак.

Я хотела к маме.

Я хотела увидеть своих сестер.

Я хотела домой.

У меня совсем не было денег.

И я пошла пешком.

Я шла как заведенная. Как машина. И после двадцати пяти километров пешего пути и недолгой поездки на попутной телеге я оказалась на дороге, ведущей к нашей ферме.

Солнце уже садилось, его яркие оранжевые лучи золотили холмы с мягко обтекающими их полями. Но на них не было видно людей. Ветер гнал волны по верхушкам спелого овса, колыхал ветви деревьев на краю леса... Подходя к дому, я уже знала: случилось что-то нехорошее. Не слышно было ку-дахтанья кур. Их вообще не было, так же как и коров. Как не слышно было и ржания и фыркания лошадей. Хлев стоял пустой. А задняя дверь дома была открыта нараспашку.

Медленно, с опаской я зашла внутрь.

Кухня съежилась с тех пор, как я была здесь в последний раз. Стол стал ниже, камин — меньше, и все в доме было перевернуто вверх дном. Валялись опрокинутые стулья, висела на петлях распахнутая дверца шкафа, его покрытые пылью полки были абсолютно пусты. И воздух здесь был застоявшийся. Дом имел нежилой вид, никто не заботился о нем.

— Мама, — прошептала я. — Стась. Есть здесь кто-нибудь?

Я переходила из комнаты в комнату, повторяя все тот же вопрос, но ответа не было. Из дома было вынесено все, что имело хоть какую-нибудь ценность, вплоть до подушек с кроватей. В платяном шкафу все еще висели несколько самых старых маминых платьев и пара таких же старых папиных пиджаков, но украшений не было на месте, как и оставшегося нам от бабушки позолоченного яйца-шкатулки.

Наконец я подошла к комнате, бывшей когда-то моей. Толкнула дверь, и она распахнулась, заскрипев несмазанными петлями. Стены моей спальни теперь были выкрашены в другой цвет, на открытом окне трепетали выцветшие на солнце желтые занавески из ситца. А посреди комнаты, на полу, на голом матрасе, который был когда-то моим, лежала, свернувшись калачиком, девочка с каштановыми волосами.

— Хелена! — воскликнула я, и она заплакала.

— Где мама? — спрашивала я в десятый раз, неся ее на руках вниз, как новорожденного теленка, но она только плакала. Я перевернула стул, поставила его на ножки и села,

оглядывая кухню в поисках какой-нибудь емкости, пригодной для того, чтобы вскипятить воду. Не нашла ничего, кроме старого ночного горшка, уже давно превращенного в полку для кошки. В доме не было электричества. Его здесь никогда не было, но я нашла на каминной доске коробку спичек, которая, к счастью, никому не понадобилась, а возле камина еще оставалась кучка дров. Я набрала воды из колодца, вскипятила ее, выплеснула на улицу и снова вскипятила воду в уже чистом ночном горшке.

Все это время Хелена сидела, сложив на коленях руки и наблюдая за мной. Ее короткие каштановые волосы были спутаны, а платье – настолько рваное, что едва прикрывало тело. Сквозь его прорехи было видно, что руки и ноги у нее покрыты синяками. Я достала из рюкзака свою единственную чашку, налила в нее горячей воды, добавила ложку сахара из своих запасов и кинула туда же веточку мяты, росшей у мамы в ящике на подоконнике.

Я велела Хелене подуть на воду, чтобы не обжечься. Она послушалась, а затем одним глотком втянула в себя содержимое чашки. Я сделала для нее еще одну чашку питья. У нее были огромные глаза. Сколько ей сейчас: шесть или семь? Я решила, что Хелене шесть лет.

– Они увели их с собой, – прошептала она. – Дяди со сломанными крестами.

До меня дошло, что она имеет в виду свастику. Мне пришлось сесть.

– Кого они забрали?

– Маму и Стася.

Но ведь мы же католики, подумала я.

– А кто-нибудь еще был здесь в это время? – спросила я у нее. – Они забрали кого-нибудь еще? Здесь была Марыся?

– Нет. Я не знаю.

– Когда ты в последний раз ела, Хеля?

– Сегодня утром. Я нашла в лесу малину.

Малина уже наверняка сошла.

– И сколько ягод ты нашла?

– Четыре.

– А перед этим когда ты в последний раз ела?

– Вчера утром. Я нашла малину.

– А где ты спала до этого?

– У пана Зелинского. Мама оставила меня у него.

Ага. Теперь все становилось немного понятнее.

– А здесь ты живешь одна со вчерашнего дня?

Она кивнула, и по щекам у нее покатались слезы.

– Зачем она меня там оставила, Стефи?

Я не знала. Может быть, у нее не было другого выхода?

Мне и самой хотелось поплакать. Обо всем сразу. Но нельзя. Я должна была улыбаться ради Хелены.

– Давай поедим.

– Мне надо будет вернуться к Зелинским?

Я смотрела на ее синяки. Пан Зелинский был старым другом моей матери; когда Хелена была совсем крошкой, он ча-

сто качал ее, посадив к себе на колено. Однако, с тех пор как к нам вторглась немецкая армия, людей как будто подменили, я уже ничему не удивлялась.

Немцы. Они отняли у меня обе мои семьи. При мысли об этом у меня заныло под ложечкой, а тело обдало внутренним жаром.

Хелена ждала ответа. Я не была уверена, что смогу придумать для нее что-то лучшее по сравнению с тем, что сделала мама, поэтому просто сказала:

– Давай сегодня переночуем здесь.

Я отдала ей остаток крекеров, которые дали мне люди на кладбище, и, пока она их грызла, срезала веточку с росшего перед домом куста боярышника, нанизала на нее ломтики хлеба из своих запасов и, поджарив их и добавив к ним сыр, накормила Хелену. Она ела медленно, смакуя каждый кусочек. Себе я оставила яблоко.

Потом зажгла огонь, заперла двери и отвела ее наверх, захватив с собой горшок с теплой водой и фонарь, который мне удалось найти в сарае. Я отмыла ее, насколько это было возможно, стараясь обходить болезненные места на детском теле, расчесала волосы и завернула в одну из оставшихся в шкафу маминых рубашек. Постельного белья в доме не было. Я легла рядом с ней на голый матрас, и она тут же уснула.

От усталости у меня ломило все тело. Я почти ничего не ела, не спала с тех пор, как покинула Львов, и за день прошагала около тридцати километров. Я потеряла Изю, маму

и Стася, а может быть, и остальных членов семьи, ведь мне о них ничего не известно. Болели натруженные ноги, болела голова, а грудь разрывало такое всепоглощающее горе, что никакая физическая боль не могла с ним сравниться.

Я посмотрела на Хелену. В тусклом свете фонаря она казалась особенно худенькой, но очертания ее круглого личика все еще были по-детски мягкими. Меня залила волна нежности. Это моя сестра. Моя семья. Единственное, что у меня осталось. Она со мной, и я ей нужна. Никому больше не могу сейчас помочь.

Я спрятала свою боль и мысли об Изе глубоко в сердце и выстроила в нем дамбу, чтобы не дать горю вырваться наружу. Отдамся ему позже, когда, может быть, найду способ с ним справиться. А сейчас я обняла Хелену и заснула.

Утром знакомыми тропками мы отправились через поля. Забавно, что ни один поворот или изгиб тропы не забылся. Я ориентировалась здесь так же уверенно, как на улицах Перемышля. Через полкилометра, перед калиткой Зелинских, Хелена выскользнула из моих онемевших рук на землю. В лохмотьях, в которые превратилось ее платье, с угрюмым выражением лица, она намертво вцепилась в мою руку. Я постучала, и на крыльцо, подслеповато щурясь на солнце, вышел незнакомый старик с остатками взъерошенных седых волос.

– Не могли бы вы позвать пани Зелинскую?

– Нет, – ответил он. Я сдвинула брови.

– Почему же?

– Потому что она умерла. Я позову своего зятя.

Дверь за ним захлопнулась. Итак, это отец пани Зелинской. Он здесь раньше не жил. Я посмотрела на Хелену.

– Ты мне не сказала, что пани Зелинская умерла.

– Ты не спрашивала, – ответила Хелена. Видно было, что она вот-вот снова расплачется, ее худенькая рука дрожала в моей ладони. Я сжала ее крепче. Дверь снова распахнулась, и на этот раз к нам вышел пан Зелинский. Хелена съежилась.

– Ого, еще одна Подгорская. Чего тебе надо?

Он был совершенно пьян. И это утром, когда еще не было и восьми. Думаю, он даже не заметил Хелену. Я старалась вспомнить, почему мне никогда не нравился этот человек.

– Я хочу узнать, что случилось с моими матерью и братом.

Он пожал плечами.

– Пришли немцы и увели их. Их отправили в трудовой лагерь в Германии. Так что теперь они работают на Гитлера, а на ферме все пошло к черту.

Германия. В трудовом лагере. Как Изя. К горлу подступила тошнота.

– Когда это случилось?

Он снова пожал плечами.

– Шесть, может, семь недель назад.

Значит, в то время, когда я была занята заботой о Диамантах. Будь я здесь, то, быть может, смогла бы их предупредить. Рассказать, что представляют собой немцы. Спрятать

их. Заставить убежать.

Я затолкала чувство вины поглубже в сердце, за возведенную мной плотину. Предамся раскаянию позже, когда смогу.

– Вы заботились о моей младшей сестре, – сказала я.

– О ком?

– О моей сестре Хелене.

Он прислонился к дверному косяку, чтобы не упасть.

– Этим занималась моя Элла. Теперь ее нет.

Я не поняла, кого он имел в виду: Хелену или свою жену.

– А ваша забота, значит, заключалась в том, чтобы избивать беззащитного ребенка, а потом и вовсе выгнать ее, чтобы она умерла от голода где-нибудь в лесу, не так ли, пан Зелинский?

Он поднял палец вверх.

– Твоя мамаша сказала, что будет платить, но я не получил от нее ни единого злотого. Нет денег – нет еды. А если девчонка не будет убираться, она мне тут не нужна.

Я глядела на его жидкие усики, мешки под глазами, жирное тело. От него воняло. Хотя у него была возможность помыться. Я спрятала Хелену у себя за спиной и шагнула ему навстречу.

– Господь вам за все отплатит, – прошипела я.

У него был немного испуганный вид.

– Я буду молиться, чтобы сюда пришли немцы и чтобы за каждый удар, который вы ей нанесли, они избивали вас дубинкой в десятикратном размере. И буду молиться, чтобы

за каждый день, когда вы заставляли ее голодать, вы голодали десять дней, и чтобы у вас не было ни еды, ни особенно питья. Я буду молиться, чтобы все ваше тело покрылось язвами. Чтобы вас покусала бешеная собака. Чтобы у вас почернели зубы... чтобы у вас отсохли руки и ноги... – Я посмотрела вниз, и он проследил за моим взглядом. – И чтобы вы медленно сгнили изнутри от мерзкого самогона, который делаете у себя в сарае!

Пан Зелинский открыл рот и снова закрыл.

– И, пан Зелинский, между нами говоря, я уверена, что вы отлично знаете, на чьи молитвы ответит Господь, вы – несчастный *schmuck*²¹.

Я подхватила Хелену, развернулась и зашагала прочь, с грохотом захлопнув за собой калитку. Услышала за спиной стук запираемой двери и звяканье опускаемого засова и почувствовала на губах мстительную улыбку. Хелена крепко обвила мою шею руками.

– У тебя в этом доме остались какие-нибудь туфли или одежда? – спросила я у нее шепотом.

– Нет. Они все продали.

– Отлично. – Меня бросило в жар от гнева.

– Ты меня им не отдашь? – спросила Хелена.

– Нет.

– Никогда-никогда?

– Никогда.

²¹ Болван (*польск.*)

Она положила голову мне на плечо, ее ноги болтались возле моих коленей. А потом засмеялась.

Чем дальше мы уходили от дома Зелинских, тем меньше жалась ко мне Хелена. Спустя какое-то время она сползла с моих рук и пошла рядом. Еще немного, и она побежала вприпрыжку. А я, пройдя километра три, задумалась о том, какой груз взвалила на плечи. Смогу ли прокормить эту маленькую девочку? Одеть ее? Она, наверное, должна ходить в школу? Я понятия не имела, как надо заботиться о ребенке.

Но не было никого, кроме меня, кто мог бы взять на себя эту ответственность. А значит, выбора нет.

Если Господь справедлив, думала я, шагая по то поднимающейся на вершину холма, то вновь спускающейся в низину дороге, он ответит на мои молитвы и накажет пана Зелинского. А потом я стала молиться в тысячу раз горячее о том, чтобы он покарал немцев. За все. За гетто. За то, что отнял у меня маму и брата. За то, что они остановили поезд. И за то, что они сделали с Изей.

Теперь Хелена останавливалась после каждого километра. Она сказала, что у нее болит голова, болят ноги, и мне пришлось тащить ее на спине. Наконец я должна была остановиться, чтобы передохнуть. Разделила с ней последний кусочек хлеба, мы попили из ручья и пошли дальше. За весь день нам ни разу не попалось попутной телеги или машины, и с учетом бесчисленных остановок обратный путь занял вдвое больше времени, чем дорога на ферму. В конце кон-

цов показались огни Перемышля, рассыпавшиеся по обоим берегам реки.

Только огней этих было немного. Город спал, окна были темными, только уличные фонари, полузакрытые зданиями, светились то там, то тут. У меня не было часов, но и без них было понятно, что время уже далеко за полночь. Держа Хелену за руку, я задумалась, кусая губы.

Раньше мне уже приходилось пару раз возвращаться в город после комендантского часа. В деревнях цены на продукты для пани Диамант были ниже, чем в городских магазинах. Тогда я ночевала где-нибудь в поле, ожидая, когда поднимется солнце и можно будет без опаски ходить по городским улицам. Но на этот раз до рассвета было еще очень далеко, а Хелена выглядела совершенно обессиленной. Она молчала, уставившись в пространство и нетвердо держась на ногах; мы вспотели на жаре, а теперь нас окутал холод. Сестренка дрожала, и я приняла решение. В последний раз, когда я возвращалась домой после комендантского часа, ни разу не наткнулась на немецкий патруль. Мы будем пробираться по боковым улочкам.

– Пойдем, Хеля. Мы уже близко. Выпьем чаю, я искупаю тебя в теплой ванне, а потом ты целую ночь будешь спать в кровати...

Она кивнула как во сне, сквозь прорехи в ветхом платице виднелось голое тело. Я снова прикусила губу. В таком виде нельзя показываться на люди, даже если они уже спят в

своих постелях. Я спряталась вместе с ней за дерево, стянула с себя платье и накинула его на нее. Она слегка встрепенулась, просовывая руки в огромные для нее рукава, пока я затягивала на ней пояс. Потом я достала из рюкзака пальто и надела его поверх белья.

– Послушай, – сказала я ей, – никто ничего не узнает. Но ты должна идти быстро и очень тихо и делать то, что я велю, хорошо? Это такая игра. Нам надо дойти до дверей моего дома так, чтобы нас никто не заметил...

Я пошла быстрым шагом, Хелена ковыляла рядом, и так мы вошли в Перемышль. Прячась за домами, стараясь не попадать в свет фонарей, мы часто останавливались, прислушиваясь к каждому шороху и озираясь. В городе было тихо как никогда, только издалека доносился перестук колес проходившего поезда. Наконец мы подошли к улице Мицкевича. Это одна из главных улиц, и прятаться здесь было негде.

– Поторапливайся, Хеля, – шептала я, таща ее за руку. Мы огибали желтые круги света от фонарей, пробегали мимо магазинов и жилых зданий.

– Стефи, – задыхаясь, сказала Хелена, – я не могу...

– Ну давай же, – шептала я.

– Я не могу... дышать... – Хелена громко втянула в себя воздух, и этот звук разрезал тишину. Потом ее рука безвольно выскользнула из моей, и она упала лицом вниз на тротуар. Она так и осталась лежать, не шевелясь.

Я опустилась на колени и перевернула ее лицом кверху.

Она оцарапала лоб, и на ее бледном как полотно лице кровь казалась особенно яркой. Ее щеки были холодны. Так же холодны были руки. Ее грудь оставалась неподвижной. Я не могла нащупать ее пульс.

Внезапно плотину внутри меня прорвало, и нахлынувшее горе затопило меня рекой. Я потеряла их всех до одного. Всех, кого я любила. И они все ушли по моей вине.

Моя вина. Моя вина. Моя вина...

Я посмотрела на неподвижное лицо Хелены и закричала.

8. Июль 1942

Я снова закричала. Звала ее по имени, трясла, но Хелена не шевелилась.

Вдруг она открыла рот и вздохнула.

Затаив дыхание я схватилась за грудки. В это время голос из темноты рявкнул:

– *Halt! Wer ist da?*²²

По моему лицу, ослепляя, шарил луч фонаря. Я услышала звук передергиваемого затвора.

Хелена была жива, но по моей вине нас сейчас убьют. Я медленно подняла руки вверх.

– Пожалуйста, – молила я, жмурясь от направленного в глаза света, – моя сестра больна. Мне нужен доктор...

В темноте я различила сапоги и дуло направленного на нас пистолета. Залаяла собака.

– Доктор! – повторила я. – Пожалуйста!

Сапоги остановились рядом с нами, и немец носком сапога ткнул Хелену в бок. Она закашлялась, и сапоги шагнули назад. За завесой света немцы о чем-то переговаривались.

Затем прежний голос, коверкая польские слова, приказал нечто, что, по-видимому, означало «возьми ее» и «следуй за нами».

²² Стоять! Кто там? (нем.)

Едва держась на ногах, я взяла Хелену на руки. Так и не придя в сознание, она повисла у меня на руках. Меня шатало под ее тяжестью, но я продолжала медленно плестись за патрулем. Один немец-полицейский шел за мной, наставив мне в спину автомат.

Нас арестовали, и я знала, что за этим последует. Они будут избивать и пытаться меня. Узнают, что я носила еду евреям. Что пыталась устроить побег для еврея. Что мои документы – фальшивка.

Что от одного взгляда на них у меня к горлу подступает тошнота и закипает кровь.

По правде говоря, мне было бы приятно сказать им это, но вряд ли удовольствие продлилось бы больше одной или двух минут.

Наконец мы добрались до полицейского участка, но внутрь меня провели не с главного, а с бокового входа. Я положила Хелену на скамью в обшарпанном коридоре с ярким электрическим освещением, и двое полицейских обыскали мой рюкзак. Они вытащили на свет чашку, спички и полкраюшки хлеба. Полкраюшки хлеба. Доля Хелены, которую я дала ей, когда мы остановились возле ручья. Я посмотрела на неподвижное лицо сестры. Почему она не съела хлеб?

Один из полицейских обыскал мои карманы, после чего попытался снять с меня пальто. Я оттолкнула его руки. Под пальто у меня не было ничего, кроме белья, а все мои сбережения были спрятаны в лифчике. Я не знала, как они к этому

отнесутся. Снова оттолкнула протянувшиеся ко мне руки, и второй полицейский засмеялся. Они обменялись несколькими фразами, возможно на мой счет, и вышли.

Немец с пистолетом остался меня сторожить. Он молчал. Даже не смотрел на меня. Видимо, знал, что сейчас последует. Мой страх немного прошел, хотя, возможно, и бесосновательно.

Я села рядом с Хеленой. Она дышала, но глаза были закрыты. Я гладила ее по волосам, гадая, чем все это для нее закончится.

В конце коридора отворилась дверь, и оттуда высунулась мужская голова. Человек оглядел нас обеих, затем поманил меня к себе. Я посмотрела на охранника, но он не шевельнулся. Ну что же, значит время пришло. Я наклонилась, чтобы подхватить Хелену.

– *Nein*, не надо. Я сам, – сказал мужчина. Он подошел к нам и взял Хелену на руки. На нем был немецкий офицерский мундир, но его польский был почти безупречен, в нем можно было различить лишь легчайший акцент. Я последовала за ним; в комнате, куда мы вошли, не было ни полицейских, ни эсэсовцев, не было также ни ружей, ни дубинок. Вместо этого здесь стояли письменный стол, шкафчик и кушетка, на которую мужчина положил Хелену.

– Меня зовут доктор Беккер, – сказал он, вытаскивая из кармана стетоскоп. – Это ваша сестра?

Я кивнула, потеряв от удивления дар речи.

– Расскажите, что с ней случилось.

Пока он стаскивал с Хелены огромное для нее платье, я отвечала на его вопросы. Мне было страшно оттого, что он прикасался к ней, но еще больше я боялась оставить ее без помощи. Он спросил, что и когда мы ели и как она себя вела перед тем, как потерять сознание. Он осмотрел ее синяки. Хелена зашевелилась и открыла глаза.

– Лежи спокойно, – велел ей доктор Беккер. Затем повернулся ко мне: – Садитесь, пожалуйста. Хотите повесить свое пальто?

Я села и отрицательно покачала головой, запахнувшись еще сильнее.

– Подождите, пожалуйста, здесь, – сказал он и вышел из комнаты.

Сейчас сюда придут полицейские, думала я. Они уведут меня с собой, и я больше никогда не увижу Хелену. Меня окатила волна озноба.

Дверь отворилась, и в комнату снова вошел доктор. В руках у него были две чашки чая. Он дал одну из них мне и, посадив Хелену и держа у ее рта чашку, стал поить ее чаем.

– Ваша сестра истощена, к тому же она очень устала, – сказал врач. – Все, что ей требуется, – это отдых и хорошее питание.

Он достал из кармана пачку печенья, помог Хелене встать на ноги и дал ей одно.

– Пейте, – обратился он ко мне. – Чай очень сладкий и в

нем немного молока. Судя по вашему виду, это то, что вам сейчас надо.

Я послушалась, продолжая внимательно следить за ним поверх чашки. Мне казалось, что все происходящее – какая-то ловушка.

– У нее небольшой жар и в легких не вполне чисто, – продолжал он, – так что я дам вам антибиотики и аспирин. Вы будете ей их давать? Не продадите лекарство?

Я посмотрела на Хелену, которая, забыв о хороших манерах, с жадностью поглощала печенье, и помотала головой.

– Я буду давать ей лекарства.

– Хорошо. Я вас завтра навещу, чтобы убедиться, что все идет как надо. Какой у вас адрес?

Я была так потрясена, что дала ему свой адрес. Затем он вызвал двух полицейских, которые проводили нас до дому, чтобы мы не наткнулись на патруль. Я заперла дверь, вымыла Хелене лицо и руки, дала ей антибиотик и таблетку аспирина и уложила в свою кровать. Эмильки не было. Я только надеялась, что ее визит к матери окончился не так, как мой.

Я села в кресло, прислушиваясь, не раздастся ли стук гестаповцев в дверь, и уснула.

Когда следующим утром в дверь действительно постучали, оказалось, что это пришел доктор Беккер. Как и обещал. Хелена сидела в постели в моей чистой ночной рубашке, с расчесанными волосами, и доктор пощекотал ее подбородок, послушал ее легкие и назвал ее мышонком и маленькой фе-

ей. Потом велел мне заботиться о ней как следует и больше не брать ее в дальние путешествия и оставил нам мешок с едой и баночку витаминов.

Больше я его никогда не видела.

В тот день начался четвертый этап моего образования. Я узнала, что неправильно судить о человеке только по его национальности. И не так важно, является ли человек евреем или поляком.

Или даже немцем.

Весь этот день я провела с Хеленой, не разрешая ей вставать с постели и истратив практически всю еду, которая у нас была. Следующим утром я стояла возле окна, вглядываясь в улицу сквозь залитое дождем стекло. Когда показалась марширующая в сопровождении охранников колонна заключенных, я выскочила из подъезда навстречу Макссу. Мокрая от дождя, приноровила шаг к его шеренге, но он покачал головой и посмотрел назад через плечо. Вместо привычного охранника сбоку от колонны шагал эсэсовец. Я отошла в сторону, и Макс показал мне семь пальцев. Значит, он будет ждать меня возле заграждения в семь вечера. После чего пленник, чтобы не привлекать внимания, опустил голову.

Я следила за удаляющейся фигурой. С его черных, как у Изи, волос стекала вода.

Никогда прежде не видела, чтобы в его глазах была такая всепоглощающая печаль.

Наверняка Макс получил мое письмо.

Думая, что мне делать дальше, я дошла до угла и, повернувшись спиной к улице, украдкой вытащила из лифчика деньги. У меня все еще оставался не истраченный на билет для Изи злотый. Если расходовать деньги экономно, я всю неделю смогу покупать еду для Хелены и Диамантов. Но это если очень постараться. Кроме того, Хелене нужны туфли, платье, нижнее белье, ночная рубашка и, возможно, что-то еще, что сейчас мне просто не приходит в голову.

Глядя в витрину, я пригладила волосы, оправила платье и отправилась в ателье, где когда-то висело объявление о работе. Выяснилось, что там давно уже нашли помощницу. После этого мне пришлось пройти по всей улице Мицкевича до рыночной площади, останавливаясь возле каждого магазина. И везде либо не было работы, либо я им не подходила, либо магазин был и вовсе закрыт, так как в прошлом принадлежал евреям. Прекратив тщетные поиски, я зашла на рынок и, поскольку из-за дождя на рынке было мало покупателей и цены были не слишком высокие, смогла купить все необходимое, умудрившись даже приобрести юбку для Хелены. Она, скорее всего, была для нее слегка велика, но, если мне удастся раздобыть нитки, я, возможно, смогу ушить ее в талии, а Хеленино рваное платье переделаю в блузку.

Когда я подошла к дому, дождь уже прекратился; дорога была перегорожена двумя грузовиками с мебелью. К нам въезжали новые соседи. Лавируя между коробками и сную-

щими вверх и вниз людьми, я поднялась по лестнице и, войдя в комнату, обнаружила там соседку. Эмилька, держа на коленях Хелену, расчесывала ей волосы, отчего та была явно не в восторге.

– Я познакомилась с твоей сестрой, – говорила Эмилька, убирая волосы с Хелениного лба. – Она мне все рассказала про твое путешествие домой и обратно, правда?

Вопрос был адресован Хелене, и Эмилька, похоже, не замечала, что моя сестра ей ничего не отвечает. Я положила в угол свертки с покупками, набросив на них сверху пальто. Если Эмилька увидит, как много продуктов я купила, начнутся расспросы. Она говорила и говорила. О своей матери, не задумываясь, что у меня матери нет. О своем парне, хотя у меня больше нет любимого.

Я была к ней несправедлива. Ведь она ничего не знала. И все-таки мне хотелось выкинуть ее из окна.

– Ты, Фуся, как видно, съела лимон? – мило улыбнувшись, спросила Эмилька, явно имея в виду кислое выражение моего лица. Я рассказала ей о безуспешных поисках работы.

– Послушай, но ведь на заводе полно работы, – возразила она, – если, конечно, ты не против того, чтобы работать на немцев. Вчера я видела возле трудовой конторы длинную очередь желающих. Она тянулась через всю улицу.

Это означало, что уже поздно. Я провела рукой по лбу.

– Знаешь, Фуся, выход есть из любого положения, – сказала Эмилька, туго перевязывая шнурком Хеленины волосы

на затылке. – Может, если дать им небольшой подарок, это поможет. Чтобы побудить немцев поставить твое имя вверху списка.

– Что ты имеешь в виду? Какого рода подарок?

– Что-нибудь около трехсот пятидесяти злотых. Мне называли такую сумму.

Триста пятьдесят. Откуда я возьму такие деньги? Моя коробка уже почти пуста. У меня не оставалось ничего, что можно было бы продать.

Эти мысли не улучшили моего настроения, да и от Хелены шли одни огорчения. Как только Эмилька ушла, сестра села в кровати со скрещенными на груди руками, ни в какую не соглашаясь сесть за стол и съесть бутерброд с маслом. Я сказала, что она должна поесть. Она отказалась. Я сказала, что так велел доктор Беккер. Она ответила, что он ничего не говорил. Я приказала ей немедленно все съесть. Она сказала, что не будет слушаться.

Она, конечно, моя сестра, но при этом просто ребенок, и я не знала, как себя вести. Сказала ей, что мне надо уйти по делам. На самом деле мне просто нужно было пройтись. Подумать.

– Я пойду с тобой, – заявила Хелена.

На моем лице, вероятно, уже было написано «нет», потому что она скривилась, все еще держа скрещенные руки на груди.

– Я хочу пойти.

– Нет.

– Тогда отведи меня обратно домой.

Я не знала, что с ней делать. Ведь я не ее мать. Я вообще никому не мать.

– Я не отправлю тебя обратно на ферму, Хеля.

– Я тебе здесь не нужна!

– Неправда!

Но во мне шевельнулось чувство вины. Испытав облегчение оттого, что сестра жива, я не слишком сосредоточивалась на ее чувствах. Пришлось сесть рядом с ней на кровать.

Сестра вытерла слезы и сказала:

– Я тебя слышала прошлой ночью.

– Слышала что?

– Как ты плакала. Ты не хочешь, чтобы я здесь жила.

Я задохнулась от этих слов, от внезапного осознания, через что пришлось пройти этому ребенку. Одиночество в пустом доме на ферме, побег туда от одиночества в доме человека, избивавшего ее и оставившего безо всякой помощи. Заболевшая Хелена в чужом городе, в незнакомой комнате. Каково ей было проснуться этим утром и не обнаружить меня рядом, а потом вместо меня внезапно появившаяся незнакомка, решившая что-то сотворить с ее волосами... Я вспомнила о несъеденном куске хлеба.

У моей сестры не должно быть мыслей, что ей надо голодать ради того, чтобы я оставила ее у себя.

Я развязала стягивавший ее волосы шнурок, и челка снова

упала ей на лоб.

– Я не мама, – сказала я, – и даже не буду пытаться ее заметить. Но я твоя сестра. Раз уж мы не можем сейчас жить дома все вместе, значит, я хочу, чтобы ты жила здесь со мной, а не где бы то ни было в другом месте. Мы с тобой теперь одна команда. Я буду часто тебя просить делать то, что мне нужно, даже если ты не всегда понимаешь, зачем, а в обмен на это обещаю, что всегда буду говорить тебе правду. Всегда. Даже если случится что-нибудь плохое.

Хелена нахмурилась.

– И я начну это делать прямо сейчас. Прошлой ночью я плакала оттого, что умер один человек, а я очень хотела, чтобы он был жив. Понятно? К тебе это не имеет отношения.

– Я его знала?

Я покачала головой. Хелена со стуком спустила голые ноги с кровати.

– Я не маленькая, – сказала она. – Могу оставаться одна. Я каждый день одна ходила на ферму. Только... никто так и не вернулся.

– Да, но я вернусь. Обещаю. – Про себя я надеялась, что говорю правду. – Я вернусь, Хелена.

Вид у нее был недоверчивый.

– Давай. Иди сюда.

Я подвела ее ко входной двери и показала, как закрывать замок и как можно еще и заблокировать ручку с помощью ножки стула. Мы договорились, как я буду стучать, чтобы

она знала, что это я. После этого мы заперли все пустые комнаты в квартире, закрыли нашу спальню, а также подперли дверь стулом. Хелена улыбнулась, а когда я вручила ей юбку, улыбка стала еще шире. Она уселась на один из двух оставшихся стульев и стала есть хлеб.

– Она называла тебя Фусей, – затараторила сестра с набитым ртом. – Михал тебя тоже так звал. – Она говорила о нашем старшем брате. – А я не помню, как тебя называла. В шутку.

Она и не могла помнить, потому что была совсем маленькой, когда я уехала из дому.

– Можно я буду звать тебя Фусей? – спросила Хелена.

Все меня так звали. И я ответила:

– Называй меня как хочешь.

Хелена задумалась, а потом, пожав плечами, сказала:

– Я буду звать тебя Стефи.

Вечером, спрятав под пальто свертки с едой для Диамантов, я захлопнула дверь и услышала щелчок закрываемого замка и чирканье стула по стенке с обратной стороны.

Мне хотелось запереть сестру в квартире и держать ее там, пока не закончится война.

А еще больше мне хотелось закрыться там с ней вдвоем.

Когда я подошла к ограде, было почти семь. Солнце уже опустилось за крыши домов, но все еще было очень тепло, и вид у меня в пальто был довольно странный. Я ждала, стоя за углом, нервно притопывая ногой: на стене у ме-

ня над головой висел новый плакат, обещающий СМЕРТЬ ТЕМ, КТО ПОМОГАЕТ ЕВРЕЯМ. Меня пугало, что его повесили именно здесь. Как будто немцы знали, что это предупреждение адресовано тому, кто будет стоять на этом месте. Вскоре из проулка с другой стороны ограды послышалось насвистываемое танго.

Я вышла из-за угла и нырнула в узкий проход, перегороженный столбами с колючей проволокой. Макс уже ждал меня с другой стороны, но, вместо того чтобы забрать у меня свертки, он выдернул столб из земли и втащил меня на территорию гетто.

– Ш-ш-ш, – он приложил палец к губам в ответ на мои протесты, – у тебя есть с собой носовой платок?

Не дожидаясь, пока я отвечу, он вытащил платок из моего кармана и повязал его на мой правый рукав. Затем подвел меня к двери какой-то постройки и ввел меня внутрь. Мы оказались в заброшенном складском помещении, темном и сыром, из тех, в которых в изобилии водятся крысы. Макс зашептал мне в ухо:

– Они собираются устроить в гетто *Aktion*²³.

– Что это...

– Всех, у кого нет рабочей карточки, отправят в трудовой лагерь.

Я больше не доверяла словам «трудовой лагерь».

– Почему ты говоришь шепотом?

²³ Акцию (нем.)

– Потому что на нас могут донести немцам. Даже евреи могут это сделать, надеясь, что спасут этим свою жизнь.

– У тебя есть рабочая карточка?

В темноте я почувствовала, что он кивнул.

– И у Хаима есть, и у Хенека, и у его девушки. А у наших родителей нет.

– Значит, их отправят?

Он опять кивнул.

– Когда?

– В один из ближайших дней. Поэтому мы отдадим все это им... – Он держал в руках пакеты с едой. – Во всяком случае, столько, сколько они смогут унести.

Эта новость так ошеломила меня, что я даже не успела ее толком осознать. Сделаю это позже.

– Ты сможешь принести еще продуктов, – спросил он, – на будущее? У тебя осталось что-нибудь на продажу?

Я в нескольких словах рассказала ему о Хелене и о том, как трудно найти заработок, за исключением работы на немцев, но, чтобы ее получить, нужны деньги.

– Хорошо. Я спрошу. И, Фуся... – мне показалось, что он потер голову, – я хотел спросить...

Он замолчал, и мы прислушались. Послышался резкий стук сапог охранника. Он прошел мимо нашей двери по узкому проходу, и мы слышали лязганье колючей проволоки. Затем сапоги снова протопали мимо нашей двери, и постепенно звук затих в отдалении.

– Мне кажется, они знают насчет забора, – прошептала я.

– Думаю, ты права. Давай встретимся завтра здесь, внутри, а после этого поищем новое место.

Он снова потер голову.

– Мне надо у тебя спросить. Насчет письма.

Внутри у меня все сжалось. Я едва слышала Макса.

– Ты ведь солгала, да? Что все произошло... быстро.

Я не могла говорить. Если бы я успела вовремя, то, может, ничего бы и не случилось. Может, Изя был бы теперь с нами. Никто не смог бы почувствовать эту боль глубже, чем Макс. Ведь Изя занял его место. Крепко стиснув зубы, я кивнула.

– Хорошо, – сказал Макс. – Хорошо.

Несколько минут мы молча стояли в сырой темноте, потом он прислушался, приложив ухо к двери.

– Думаю, на дороге никого нет. Будь осторожна и... – Он поймал мою руку и поцеловал ее. – Спасибо, что ты скрыла это от *Mame*.

Я торопливо выбралась из-за забора, а когда завернула за угол и оказалась рядом с плакатом, там никого не было. Так же как никого не было и следующим вечером, когда Макс передал мне две рубашки, часы и брошь, которая прежде была зашита в пояс у пани Диамант.

– Используй это, чтобы получить работу, – сказал Макс. – Нам придется поголодать, но зато, если у тебя появится постоянный заработок, у всех нас будет еда.

Я спрятала ценности под пальто, но на этот раз, когда

уже установила столб на место, рядом с пустым складом слышалась отрывистая немецкая речь. Затем раздался голос Макса, уверявшего, что он не сделал ничего дурного, просто искал своего дядю, который...

Я завернула за угол и стояла под плакатом с закрытыми глазами, тяжело дыша и слушая удары кулаков по живому телу.

Господи, молю тебя, не дай им убить Макса.

В ту ночь я не смогла уснуть.

Однако утром, в обычное время, я увидела из окна Макса, глядящего вверх, марширующего в конвоируемой колонне в сторону угольного склада. На лице у него был синяк, губа распухла, но, по крайней мере, он был жив. Целый день ушел у меня на то, чтобы как можно выгоднее продать вещи, и на следующее утро у меня было 340 злотых.

Я надеялась, что этого будет достаточно.

Рано утром я уже стояла в очереди в контору по трудоустройству.

*Chuztpah*²⁴. Пани Диамант всегда говорила, что я обладаю этим качеством. И именно сегодня оно было мне особенно необходимо.

Тщательно причесанная, со слегка подкрашенными губами, я переминалась с ноги на ногу, стараясь унять голодное урчание в животе. Еще до полудня я попала внутрь здания, и к середине дня наконец наступила моя очередь. Выпрямив

²⁴ Наглость.

спину, я быстрым шагом подошла к столу, улыбаясь так, как будто сидящий передо мной немец был для меня самым важным на этом свете покупателем.

На нем не было очков в металлической оправе, зато на подбородке красовалась бородавка.

– Здравствуйте, – сказала я. – Приятно познакомиться.

Чиновник, не обращая внимания на лучезарное выражение моего лица, смотрел на бесконечную очередь у меня за спиной.

– Документы, – устало произнес он.

Я уселась на стул.

– Мне очень нужна работа, – начала я. – И надеюсь получить ее как можно быстрее. Видите ли... – я доверительно наклонилась к нему, – у меня есть маленькая сестренка. Ей всего шесть лет, и она осталась без матери. Наша мама и брат сейчас далеко от нас, они трудятся на благо Отечества, совсем как вы...

Немец вздохнул и вытер нос рукавом мундира. Похоже, мои старания не возымели успеха.

– Документы, – повторил он, протягивая руку.

– Поэтому надеюсь, – продолжала я, – на ваше понимание и на то, что вы внесете меня в начало списка.

Я вручила ему свои бумаги, наблюдая за его лицом, пока он их разворачивал, и пытаюсь понять его реакцию на вложенные между страницами деньги. Наступила маленькая пауза.

– Я очень старательная, – быстро произнесла я. – И работаю с 12 лет. И никогда не опаздываю.

Немец выдвинул ящик стола, наклонил над ним бумаги, аккуратно высыпал туда деньги и снова его задвинул. Он отдал мне документы, потом протянул через стол бланк и карандаш.

– Заполните это, *Fräulein*.

С колотящимся сердцем я стала заполнять бумаги. Деньги ушли. Но я снова улыбнулась чиновнику и вручила ему заполненную форму.

– А работа?..

– Вы получите письмо.

– Но...

– Мы с вами свяжемся, *Fräulein*.

– Но...

– Следующий!

Я сгребла свои документы и отошла от стола. Часы. Брошь. Это была жертва, и я только что отдала ее нацисту, ничего не получив взамен.

Меня мутило от одной этой мысли.

Я проснулась среди ночи, думая о Максе и о провале своей *chutzpah*. Но тут же до меня дошло, что разбудило меня нечто другое. Вопль. Женский вопль в отдалении.

И этот голос был мне знаком.

Я откинула одеяло и вскочила так резко, что зазвенели матрасные пружины. Оставив спящую Хелену, я выбежала

из нашей спальни и, промчавшись через пустую квартиру, оказалась в бывшей комнате пана и пани Диамант. Распахнув окно и впустив внутрь холодный ночной воздух, я, рискуя вывалиться, высунулась наружу.

Вдалеке было видно ярко освещенное гетто, лучи прожекторов прорезали ночную тьму. На путях выстроились вагоны, в плотной человеческой массе невозможно было различить отдельные фигуры. Но я их слышала. Резкие выкрики, детский плач. Лай собак. Все время слышалась стрельба: иногда отдельные пистолетные выстрелы, иногда треск автоматной очереди. Потом я разглядела, как одного за другим людей заталкивали в вагоны, подножки которых находились слишком высоко для человеческого роста, и узникам приходилось, с усилием подтягиваясь, карабкаться вверх. Некоторые падали, и на них набрасывались овчарки. Из-за неумолкающего воя мне хотелось заткнуть уши. Зажмурить глаза.

Но в этом многоголосье я снова различила знакомый голос. Женский крик.

Это была моя *babcia*. Я точно знала, что это она. Пани Диамант впихнули в одну из этих тюрем на колесах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.